

Сергей Раткевич

ДЕВЯТЬ УНЦИЙ
СМЕРТИ

Время золота, время серебра

Сергей Раткевич

Девять унций смерти

«Автор»

2008

Раткевич С.

Девять унций смерти / С. Раткевич — «Автор», 2008 — (Время золота, время серебра)

ISBN 978-5-699-31844-5

Отныне гномы будут жить с людьми. И не потому, что тем и другим этого в одночасье возжелалось. Просто своды подгорных пещер Петрии в один страшный день обрушились и похоронили под собой прошлое целого народа. Теперь гномам надо привыкать к новой жизни: непонятной, с чужими законами, с чужими надеждами, с врагами, которые вроде уже и не враги, с родичами, которые иногда могут быть страшнее и опаснее врагов. К прошлому возврата нет. Ни для Якша, владыки гномов, решившего уйти и навсегда изменить свою судьбу, ни для Гуннхильд, молодой гномки, на плечи которой легла власть и ответственность за ее народ, ни для Тэда Фицджеральда, коменданта Петрийского острова, вся предыдущая жизнь которого питалась ненавистью к подгорным воинам и мечтами о мести, ни для Шарца, когда-то лазутчика и предателя, а нынче искуснейшего лекаря. Однако прошлое никого не отпускает без расплаты...

ISBN 978-5-699-31844-5

© Раткевич С., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Синописис, или Что было раньше	5
Секира и скрипка	8
Песня Камней	9
Песня трав	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Раткевич

Девять унций смерти

Синописис, или Что было раньше

На землю Олбарии пришла война, но сражаться предстоит не только с людьми. Пока ледгундцы и каринтийцы штурмуют границы Олбарии, в ней самой раскрылись ворота Петрии, подгорного обиталища гномов, и оттуда вышло несокрушимое воинство. Гномий шарт – тяжелая панцирная пехота – недаром слывет непобедимым: его удалось отбросить в Петрию только один раз, и человеческих сил для этого оказалось недостаточно. Тогда людям пришли на помощь эльфы, покидающие этот мир. И один из них даже после окончания войны с гномами остался, плененный красотой Доады, дочери тана. Их сын и стал первым олбарийским королем. Династия Доаделлинов правила Олбарией более пятисот лет, но Эдмунда, последнего из Доаделлинов, предательски убили, и на трон взошел узурпатор Малькольм Дангельт. Сейчас Олбарией правит сын узурпатора Дункан – и у людей нет никаких надежд справиться с гномами, которые на сей раз вышли из Петрии не для того, чтобы просто убивать и грабить, а чтобы завоевать ее.

Однако земля Олбарии подарила Эдмунду и ближайшим его соратникам вечность – и в эту вечность ворвался дым пожаров, донесся отзвук горя и боли. Эдмунд даже и в посмертии не может бросить Олбарии на произвол судьбы, хоть и уверен, что попытка покинуть Грэмтирский лес, где он похоронен, отнимет у него его вторую, посмертную жизнь.

Деревенская девушка Дженни, спасаясь от насилия и смерти от рук гномов, убегает в Грэмтирский лес, где Эдмунд спасает ее. Дженни соглашается стать голосом покойного короля, впустить в себя его душу, чтобы он таким образом сумел прийти на помощь тем, кто сражается против гномов.

Когда Дженни приходит к Джеральду де Райнору, прозванному Золотым Герцогом, и его войску, которое изо всех сил пытается хотя бы сдержать натиск гномов, в ходе войны наступает перелом. Эдмунд знает, как сражаться с гномьим шартом. Люди верят, что Дженни – Дева Джейн – сам бог послал, чтобы спасти Олбарии. Вместе с Джеральдом они ведут войско к победе.

Но Дункана Дангельта вовсе не устраивает подобный исход! Ему не нужен Джеральд – Победитель гномов, Джеральд Благословенный! Не судьбы Олбарии его беспокоят, а собственный трон. Для Дункана идеальный исход – это побежденные гномы и мертвый Джеральд. И он подсылает к де Райнору наемного убийцу...

Победа одержана, гномы капитулировали. И впервые Эдмунд говорит с Джеральдом хоть и устами Дженни, но не скрываясь, назвав себя. Говорит о войне, о судьбе Олбарии, о собственных ошибках – и... не только. Дженни полюбила Джеральда с первого взгляда. Де Райнор всегда преклонялся перед Девой Джейн, но милую робкую Дженни он любит, и Эдмунд благословляет их любовь. Однако ей не суждено сбыться. Дженни заслоняет собой Джеральда от стрелы наемного убийцы и гибнет.

Отдавшая жизнь ради любимого и Олбарии, Дженни уходит в ту самую вечность, из которой вернулся Эдмунд. А сам Эдмунд остается, чтобы в Грэмтирском лесу принародно назвать Джеральда королем Олбарии и своим наследником и преемником, а потом исчезнуть навсегда...

Гномы сдались, но война еще не кончена. Джеральд разбивает вражеские армии и становится королем. Эдмунд же не лишается своего посмертия – посмертия Хранителя Олбарии. И когда молодой рыцарь и музыкант Джефрей де Ридо, отдавший жизнь ради заключения мира

между Олбарией и Троанном, призванный вечностью, приходит к костру, у которого сидят Хранители, он встречает там не только Джейн, занявшую прежнее место Эдмунда, но и самого Эдмунда.

Ушедший в посмертие Джей де Ридо был влюблен и помолвлен с Элизабет де Бофорт, и когда Джеральд приезжает в замок Эйнсли, владение Бофортов, чтобы посвятить в рыцари ее юного брата Роберта, он застаёт девушку умирающей от горя. Ему удастся вновь заставить ее жить, но сердце Бет навсегда отдано погибшему возлюбленному, как и сердце Джеральда навсегда осталось с погибшей Дженни. Общее горе объединяет их. Джеральд, хочет он того или нет, обязан жениться, чтобы новая династия не угасла на нем, а Бет нужна защита от родителей, готовых выдать ее замуж за любого, кто им покажется достаточно выгодным женихом. Джеральд и Бет, объединенные общим горем и взаимной дружбой, вступают в брак. Бет становится королевой, а ее брат Роберт со временем – и по заслугам! – занимает пост лорда-канцлера.

Во время вигилии перед посвящением в рыцари Роберту удастся соприкоснуться с вечностью, где находятся Хранители Олбарии. Он получает в дар от Эдмунда его рыцарский пояс – именно им и опоясывает его Джеральд при посвящении, – а от Дженни и Джефрея он получает венчальные кольца для Джеральда и Бет. Эти кольца служат не только залогом будущей встречи, но и оберегом – благодаря кольцам и поясу Хранители, пусть и видимые не для всех, могут появляться теперь среди людей, если требуется их помощь.

Война с гномами отбрасывает длинную тень. Подрастают дети насильников-гномов – и ненависть к гномам еще так свежа, что сохранить им жизнь возможно лишь одним способом. Джеральд нарекает их своими приемными детьми, дав им общую фамилию Фицджеральд, как и подобает приемышам короля, а Бет становится их крестной. Одним из них является хронист Джордан Фицджеральд, прозванный Безумным Книжником.

Можно ли надеяться, что это последние жертвы войны? Будущий лорд-канцлер Роберт обращает внимание на то, что гномы закупают в огромных количествах мореное дерево и продают строительный камень, чего никогда не делали раньше. А это значит, что подгорная Петрия неумолимо рушится внутрь себя. Еще несколько лет – и война вспыхнет вновь, потому что гномам понадобятся для жизни новые земли. Что можно сделать, чтобы предотвратить грядущую катастрофу?

Джеральд и Роберт справедливо полагают, что на этот раз гномы вышлют лазутчика и уже по результатам его разведки будут планировать последующие действия. Их догадка верна, но лазутчик по имени Шарц вовсе не хочет войны, видя в ней поражение и даже гибель для всех гномов. Неожиданно его союзником становится Владыка гномов Якш, который тоже понимает, что такая война станет для гномов погубительной.

Шарц, выдающий себя за человека по имени Хью Одделл, который, по несчастью, уродился на свет карликом, поступает в Марлецийский университет изучать медицину не только ради «легенды», жизненно необходимой разведчику. Он одержим идеей отыскать рецепт эльфийского эликсира, который дарует крепкий сон, делающий возможным полостные операции. Только это может спасти гномов от вымирания – слишком велико, чудовищно велико количество гномьих женщин, умирающих родами.

Закончив университет, Шарц становится врачом и шутком герцога Олдвика. В его доме он встречает свою любовь – служанку Полли, на которой и женится. В этом доме он обретает себя как врача, находит друзей, спасает жизнь герцога, его жены и его сына и получает посвящение в рыцари. И как рыцарь он сопровождает герцога Олдвика ко двору, хотя и опасается, что Джеральд опознает в нем лазутчика гномов – опознает слишком рано, чтобы он мог достигнуть желанного мира.

Его опасения и оправданны, и напрасны. Джеральд действительно узнаёт в нем разведчика гномов – того, кого он с Робертом так долго ждал, чтобы предложить гномам условия мира. По этому договору гномы получают один из олбарийских островов и рудники на нем, а

сами станут олбарийскими подданными. А гарантией мира станет тот самый эликсир, рецепт которого так долго искал Шарц, а нашел в чудом сохранившихся рукописях Джориан.

Далеко не все гномы хотят мира. Для Якша Совет гномов, на котором схлестнулись сторонники мира и сторонники войны, едва не заканчивается трагически. Однако поддержку он получает с неожиданной стороны. Юные гномки, Невесты, не боятся смерти – их с детства воспитывают в сознании того, что им придется умереть, давая новую жизнь. А сейчас они готовы умереть от своей руки, если не будет заключен мир с людьми. Дело сторонников войны проиграно.

Но и среди людей далеко не все хотят мира с гномами. Гонец, который вез пограничной петрийской страже известие о мире и грядущем выходе гномов из Петрии, убит, и теперь командиру стражи, лучнику Тэду Фицджеральду, когда-то мечтавшему отомстить гномам за насилие, совершенное над его матерью, предстоит сделать нелегкий выбор. Гномы вопреки прежнему договору выходят из Петрии – будет ли он стрелять в них, отдаст ли такой приказ? Но из Петрии выходят не только мужчины, но также дети и женщины – Тэд не поднимет против них оружия. И он прав. Именно его выбор позволил избежать возможной провокации, которая завершилась бы бойней. И король Джеральд по заслугам назначает его комендантом Гномьего острова.

Новым – или, точнее, новой – Владыкой гномов становится юная гномка, говорившая от имени всех Невест, которой удалось сломить сопротивление сторонников войны. Вместе с Тэдом Фицджеральдом они несут ответственность за дальнейшую судьбу примирения между гномами и людьми...

А Якш, назначив совсем еще юную гномку своей преемницей, отправляется на поиски новой судьбы...

Секира и скрипка

Посвящается: маме с папой, которых я люблю и без которых вообще ничего бы этого не было.

Вере Камше – с которой началась Олбария и которая – ровно один сборник назад! – предложила мне попробовать что-нибудь сделать с гномами и для гномов.

Моей жене – которая настояла, чтоб я так и сделал, а потом стойко выслушивала все, что приходило в мою голову, даже самую откровенную чушь.

Великому ирландскому барду Рафтери и его волшебной скрипке – за то, что он был.

Ричи Блэкмору и Блэкморс Найт – за то, что они есть.

Энельде – придумавшей имена для гномских старейшин, а также как моему первому бета-тестеру.

Рошфору и Арин – за хорошую компанию.

Лисе, Эллеру, сэру Максу – за то же самое.

И – еще раз – моему отцу, как бета-тестеру главному, человеку, нашедшему корону гномских Владык, которую я беспечно потерял в недрах Олбарийской секретной службы, спасшему от загнивания олбарийское сено, погасившему негашеную известь, настоявшему на организации двух свадеб и активного действия в самом конце, где я не предполагал и не видел ничего, кроме ленивого хеппи-энда.

А также всем-всем читателям.

Вам.

Ведь вы же и есть самые-самые главные. Без вас вообще ни черта не выйдет. Правда.

Итак...

Песня Камней

– Здравствуй! – они сказали это одновременно.

Вместе.

Выдохнули это слово в лицо друг другу.

Они оказались друг напротив друга, хотя никто не позаботился об этом заранее. Никто не собирался устраивать церемонию из их встречи. Разве что судьба...

Нет, правда, и без них хватало!

Да вы сами представьте – целый народ вышел из тьмы к свету. Гномы и гномки, гномики и гномочки, мастера и воины, ремесленники и торговцы, те, кто придумывал хитроумные механизмы, и те, кто всю жизнь с тачкой пробегал, создатели несокрушимых доспехов и сказочных ювелирных изделий, старики и молодежь, скандалисты и зануды, гордецы и забияки, болтуны и вруны... все. От владыки Якша до последнего уборщика, от Мудрой Старухи до юной непорочной Невесты, от Почтенного Наставника до новорожденного младенца.

Так что никто не готовил специально этой церемонии. Она просто произошла. Сама, как происходят все самые важные вещи на свете.

Все остальное было отброшено: и уходящий куда-то Якш, и наставник «безбородого безумца», и сам «безбородый безумец», и король Джеральд со своим лордом-канцлером, и прочие важные гномы и люди. Все вмиг отодвинулось на задний план, а здесь были только они. Только они двое.

Маленькая секира из черной бронзы и тяжелый меч смешаннойковки, надломленный у самой рукояти.

– Здравствуй! – выдохнули они, и это было как вызов на поединок.

Подгорный металл встретился с металлом верхнего мира, и все важные и торжественные речи, коими обменивались прочие, не имели никакого значения. Эти двое их просто не слышали. Они смотрели только друг на друга. Слышали только друг друга. А то, что им пришлось как-то реагировать на остальных, не имело никакого значения, потому что поединок уже начался.

– Я, Гуннхильд Эренхафт, из клана Огненных Ключей, отвечаю за гномов перед людьми! – звонко произнесла юная владыка, и яростный ветер верхнего мира рывком откинул назад ее роскошные черные кудри.

– Я, Тэд Фицджеральд, лейтенант олбарийских стрелков, отвечаю за людей пред гномами! – эхом откликнулся высокий для полукровки человек – все-таки человек, как ни крути! – будущий комендант Петрийского острова, и тот же самый порыв ветра нахально укутал его лицо русыми прядями.

Но юная владыка ни на миг не обманывалась. Сквозь нелепую мешанину спутанных волос на нее глядели цепкие глаза лучника.

«Так вот он каков, Фицджеральд-лучник, волей короля в единый миг возведенный в чин лейтенанта – комендант Петрийского острова!»

Острова, которого еще нет.

Острова, который обязательно будет.

Потому что так, и только так будет правильно.

Потому что другого выхода попросту нет.

Они стояли лицом к лицу, словно в каком-то неведомом застывшем танце или ритуальном поединке, не признающем движения тел, ведомом лишь напряжением воли, они стояли лицом к лицу, гномья боевая секира и тяжелый человеческий меч, они стояли лицом к лицу, словно два мира, встретившихся ненароком и не знающих, как уступить друг другу дорогу, а их тени вдруг повернулись спиной к спине.

Нет, не отвернулись, встали. Истина, древняя, как земля под ногами и небо над головой:
«Я защищаю свою половину мира, а ты – свою!»

Очень старая истина. Старше людей с гномами.

Грозный человеческий меч и не менее грозная гномья секира.

Тени часто бывают умнее хозяев. Они-то сразу поняли, в чем состоит поединок, что нужно защищать в таком бою, кого считать врагом, а кого другом.

Двое на страже мира людей и гномов.

Против любых козней.

За жизнь.

Уходящий Якш не обернулся. Он лишь на миг сбился с шага, заслышав волшебный звон скрестившегося оружия.

«Я отвечаю за...»

Якш не остановился. Он за это уже не отвечал.

Король Джеральд все видел и понял.

Настоящим королям должно понимать такое.

Он промолчал.

Королям, если они и в самом деле короли, короли по духу, а не по названию, всегда ведомо, когда не следует нарушать тишину.

Тишина несла мир.

Мир, словно новорожденный, лежал на ладонях этих двоих.

Его покой хранила яростная ясность юной владыки и суровая честь олбарийского лучника Фицджеральда.

А прочий галдеж вокруг не имел никакого значения.

«Я отвечаю за...»

В звоне скрестившегося оружия блестело древнее золото.

* * *

– Из всех поединков, что я когда-либо видел, этот – прекраснейший, – сам себе под нос пробормотал наставник «безбородого безумца».

– Поединок? – переспросил стоящий рядом ученик-предатель. – О чем вы, учитель?

– Да вот об этих двоих, – наставник кивнул в сторону замерших друг напротив друга Гуннхильд Эренхафт и Тэда Фицджеральда.

– Об этих? – Шарц улыбнулся и покачал головой. – Какой же это поединок, учитель?

– Ты так быстро позабыл мои наставления? – притворно нахмурился тайный глава секретной службы. – Поединок не обязательно ведется при помощи оружия. Уж кажется, это ты должен был как следует усвоить! Сам только этим и занимался.

– Верно, наставник. Вот только... в поединке всегда кто-то побеждает, а кто-то проигрывает. А если... если выигрывают оба, то это уже не поединок. Это... наверное, это танец, наставник.

– Хочешь сказать... эти двое... танцуют?

– Хочу. Быть может, именно потому, что сам только этим и занимался. А поединки мне давно обрыдли.

* * *

– Вы посмотрите только, что этот проклятый гном себе позволяет! – возмущенно прошипел сэр Бреттен, молодой расфуфыренный рыцарь, глядя на то, как изящно мерзавец Якш отыгрывает свою партию в переговорах.

Сэра рыцаря просто трясло от возмущения.

«Да этот ничтожный властелин кучки дурно пахнущих сородичей в ногах у Джеральда валяться должен! Да и у остальных людей – тоже!»

Про себя сэра Бреттен всегда называл короля просто Джеральдом, быть может, потому, что никогда бы не посмел сделать этого вслух. Или же наоборот – от всей души надеялся, что это когда-либо произойдет? Кто знает...

Впрочем, он чуть было не осмелился на иное.

Когда Якш небрежным жестом швырнул возвращенную корону себе под ноги, душа рыцаря вскипела от возмущения, а рука сама потянулась к мечу.

И в тот же миг его пронзило нечто куда более острое, чем его фамильный меч.

Взглядов такой силы в природе попросту не бывает, но именно таким взглядом пронзил его Джеральд, король Олбарийский. Пронзил. Пригвоздил к земле. Какой уж тут меч... рука сама разжалась.

– Джеральд... – задыхаясь, прохрипел несчастный рыцарь, в первый и единственный раз осмеливаясь так именовать своего законного монарха, и потерял сознание.

Как установили подоспевшие лекари, парадное одеяние господина рыцаря было чересчур жарким и тяжелым, вследствие чего и приключился обморок. Досадное недоразумение, не более. Его быстро привели в чувство, он никому ничего не сказал, да и что, собственно, он мог поведать?

Вот только с тех пор он и в мыслях своих никогда не осмеливался именовать короля просто Джеральд.

* * *

Бывший Владыка всех гномов Петрии, Якш, размашисто и гордо шагал по человеческой дороге, по запретной олбарийской земле, которая перестала быть запретной, но оттого не сделалась обыденной, не стала менее загадочной и необычной.

«Олбария!»

Якш шагал гак, будто он сам себе шарт, а перед ним катилась гонимая подобранной грязной палкой Великая Корона. Символ векового владычества превратился в колесо. Свято-татство? Ну что вы! Вовсе нет. Колесо еще древнее. Глупой короне до него еще катиться и катиться. Вот только катится она скверно.

Великая Петрийская Корона, древнейший символ гномских владык, оказалась не таким уж хорошим колесом. По правде говоря, хуже некуда было колесо. Мастерам, которые ее сотворили, вероятно, просто в голову не пришло, что когда-нибудь их творение будет использоваться подобным образом. Не то они бы бесспорно что-нибудь придумали, а так... Очень скоро Якш замучился ее катить.

«Толку так стараться, все равно ведь никто уже не смотрит!» – мелькнуло у Якша, и он, подняв корону, взвесил ее в руке, последний раз полюбовался чудной игрой драгоценных камней и с маху зашвырнул в густые зеленые кусты.

И в самом деле – ну зачем какая-то там корона, пусть даже и самая расчудесная, одинокому страннику, гонимому ветром, бродяге, что в отличие от короля или там владыки волен делать со своей жизнью, что ему только в голову взбредет.

Якшу не нужна была корона. Ему было нужно что-то другое. Оставалось понять – что?

* * *

«И как это лорд-канцлер угадал, в каком именно месте он ее выбросит? – держась за раскалывающуюся от боли голову, думал тайный агент секретной службы Олбарии, которому

означенная корона прилетела прямиком в лоб. – Надо было поверить Его Светлости и залечь чуть в стороне! – соображал агент, осторожно ощупывая лоб, дабы убедиться, что он все еще существует и не пробит проклятушей гномской драгоценностью насквозь. – Хорошо хоть, по касательной задело, а то бы и впрямь насмерть, вот смеху было бы! Впрочем, ребята и так засмеют... от такого удара не то что шишка или там рог, от такого удара другая такая корона на лбу выскочит, не иначе...»

Тайный агент не стал любоваться игрой света на восхитительных подгорных камнях, а просто засунул корону в мешок.

Вот и все. Можно возвращаться. Он свое задание выполнил. Дальше бывшего владыку будут охранять другие. Остается надеяться, что при себе у Якша не слишком много тяжелых и твердых предметов, иначе просто жаль ребят...

Тяжелая рука у подгорного владыки. Истинно гномская, иначе и не скажешь, чтоб его...

Нет, ну как же вышагивает, мерзавец... будто по своей земле топает. Да нет, не по земле даже. По своему дворцу. Он как бы одевается во все, что его окружает. Надевает эту дорогу, как сапоги, накидывает этот лес на плечи, словно плащ, и надвигает на голову небосвод, словно огромный гномский капюшон.

«Ох и будет нам с этими гномами...» – секретный агент не стал качать головой, она и без того болела.

* * *

Когда Великая Корона улетела в кусты, Якшу внезапно стало удивительно легко и тихо. Словно вдруг захлебнулся тот нескончаемый, нестерпимый крик, в котором он прожил всю свою жизнь, даже не замечая этого. Крик захлебнулся, исчез, рассеялся, стих, стих навсегда, а спустившееся молчание острой сталью ритуального ножа перерезало незримые пути, словно пуповину...

Якш почти физически ощутил, как по его лопаткам побежали первые трещинки, так трескается дурной, бросовый камень, когда земля ворочается во сне. Вот она повернулась еще раз, еще... дрогнула, кашлянула, вздохнула и закашлялась как следует, тяжело и надрывно, сотрясаясь до самого своего основания, до глубей подгорных, не ведомых никому, кроме Богов, обитающих там, где кирка ни единожды не ударила в камень. Кашель земли, тяжкий и надрывной, сотрясал мир. Якш ощущал, как с его спины рушатся огромные глыбы, с треском сшибаясь между собой, раскалываясь и грохоча. Вскипая стремительным обвалом, вослед дурному камню устремился добрый, низринулся и смолк. Все стихло. Якш стоял посреди молчания, не ощущая ничего, кроме боли в спине. Страшно болели также лопатки и загривок. Особенно загривок.

«Владыка не ест, не спит, не трахается, он только неустанно заботится о благе своих падких на заговоры подданных...»

А теперь не заботится. Совсем. О них теперь есть кому позаботиться. Хвала «безбородому безумцу», который все это придумал, Джеральду и человечьему Богу, которые на это согласились, Невестам, которые вовремя взяли за ножи, и собственным подгорным Богам, которые не мешали.

«Да ведь я ж люблю их, – думал Якш об оставленных гномах. – Люблю... но как же я от всех от них устал!»

«Владыка не ест, не спит, не трахается...»

«Больно-то как, а?! И как я раньше терпел все это, особенно загривок?»

А он теперь может есть, спать и трахаться, не нужно ему больше ни о ком заботиться. Так вот что случилось, когда он корону-то выкинул! На самом деле оно раньше случилось, еще там, на Великом Совете, просто он тогда не понял, не осознал, не до того было. Он ведь и ушел

так, таким странным образом, не потому что и в самом деле понял, а просто для того, чтоб Джеральду не проигрывать.

Это не он вернул мне корону, короновал меня – ишь хитрец какой, думал небось, я не пойму! – это я, я швырнул ему под ноги целый народ, и какой народ – мастера, воины! – чем не королевский подарок?!

А возвращенную тобой корону мы и вовсе никак не ценим, мы ее в грязи валяем. И вообще – играйте, дети, в своей странной песочнице со смешным названием Олбария, пере-сыпайте в нее песочек из другой, той, что звалась Петрия, авось неплохие куличики выйдут, а я пошел. Куда? А вот куда захочу, туда и пошел!

И только теперь, когда вышеназванная корона полетела в зеленые олбарийские кусты, только теперь Якш не понял даже, а скорей ощутил – ощутил, чтоб понять, запомнить раз и навсегда – как рушится, обдирая кожу, громадными неподъемными глыбами рушится с его спины целый народ... народ, который он носил на спине, словно был огромным сказочным чудовищем, которое еще и не такие тяжести носить может, носил, не ощущая и не замечая этого. Не замечая застарелой боли, что сейчас яростно вгрызается в загривок, боевыми молотами разламывает затылок, огненными когтями дерет лопатки... а ведь ее меньше, этой боли, ее гораздо меньше, чем было, она уже тает, словно лед на солнце. Ее было так много, что просто невозможно было заметить. Ее было так много, что она уж и не болела.

«Но ведь я же не чудовище? Или все-таки...»

Якш вздохнул.

«Как же я все-таки всех вас люблю... Глупых, гадких, сварливых гномов... Вот теперь, когда вы все не сидите у меня на шее, я могу вас просто любить!»

Бывший Владыка не сразу понял, что плачет, и долго с немим удивлением рассматривал слезинку у себя на руке.

«Вот как, оказывается, рождаются заново!»

Якш шагал прежним решительным шагом, а по щекам его текли слезы, которых он нисколько не стеснялся.

Владыка оплакивал прошлое. Безродный скиталец Якш стремился навстречу будущему. Настоящее торной дорогой ложилось под ноги. Шелестела листва, и пели птицы.

* * *

– Берт, самые лучшие и доверенные из твоих агентов...

– Уже посланы.

– Я надеюсь, у них хватит деликатности...

– Я приказал вмешиваться только в самом крайнем случае.

– Роберт, ты хоть одну фразу своему королю дашь договорить?

– Ну разумеется, нет, ведь я уже могу на нее ответить! Кстати, мне тут принесли одну штуку, быть может, вас это заинтересует... сир?

Джеральд ухмыльнулся.

Роберт вытащил из мешка корону Владыки Якша. Джеральд аж в лице переменялся. Роберт не стал усмехаться, лишь кончики его губ... или это только показалось?

– Берт, с ним что-то случилось? – обеспокоенно спросил Джеральд. – Да нет, что это я, ты бы мне сразу сказал, но...

– Он ее выбросил, Джеральд, он ее просто выбросил... – тихо сказал Роберт, сразу став абсолютно серьезным.

– А твои люди подобрали, – добавил король.

– Да.

– Ты догадался.

– Я даже догадался, где он ее выбросит, но... все равно не могу поверить, что он сделал это, – ответил лорд-канцлер.

– Я не догадался, но верю, – сказал Джеральд. – Верю, потому что понимаю. Сохрани ее, Берт.

«Что же ты такое понимаешь... король? – спросили глаза лорда-канцлера. – Почему он эту проклятую корону-то выбросил?»

«Он понял, что свободен, – ответили глаза короля. – Немыслимое, невероятное, почти невозможное для любого из владык счастье – любить окружающих тебя просто оттого, что они отличные ребята, а не потому, что они подданные, беречь и защищать их, повинувшись зову сердца, а не ледяному голосу долга. Господи, как же это... недостижимо».

На какой-то короткий, страшный миг Берту показалось, что его король, его обожаемый Джеральд, сейчас просто развернется и уйдет, уйдет вслед за Якшем, точно таким же жестом отбросив собственную корону, уйдет, не оглядываясь, вслед за несбыточным счастьем и вечной тоской всех королев, если они не придурки и не сволочи... за обычным счастьем простых людей – быть просто собой, и никем другим.

Это такая малость, это кажется таким незначительным, мимолетным, этого и вовсе не замечаешь... пока не лишаешься. Пока высокое предназначение или несчастная судьба не швыряют тебя в поток встречного ветра. И первое, что замечаешь, когда приходишь в себя, насмешливая ухмылка судьбы: ну что, дурень, попался?

Оторопев от ужаса, Берт со всех сил вцепился обеими руками в проклятую гномскую корону. Вцепился так, словно она была единственным реальным предметом в готовом вот-вот развалиться мире. Потому что если Джеральд...

Слава Господу, гномы состряпали корону на совесть – и сама не развалилась, и мир вокруг себя удержала. И Джеральд никуда не собирается, его-то никто с его поста не отпускал, Олбария, конечно, самая дурацкая страна на свете, но покамест небеса на нее не рушатся, Бог даст, и не обрушатся, особенно если постараться и все делать как следует. А раз страна никуда не делась, значит, и королю не след.

«Ты понял?» – чуть заметная усмешка в глазах короля.

«Да, Ваше Величество...»

Попробуй тут не понять.

– Сохрани ее, – повторил Джеральд.

– Для... него? – дрогнувшим голосом переспросил Берт, наконец ощущая, какая же она тяжелая, эта несчастная гномская корона.

«И как он ее таскал, бедолага?»

– Для того, на кого он пожелает ее возложить, – ответил король. И помолчав, добавил: – Ты ведь понимаешь, что ее необходимо сохранить? Пуще глаза беречь.

– Понимаю, – очень серьезно кивнул лорд-канцлер. – Сбереженная корона гномских королев может погубить Олбария, уничтоженная – погубит ее наверняка.

– Именно так, – кивнул король.

«Это такое счастье, что ты все понимаешь. Все. Даже то, чего не понимаю я сам...»

* * *

Первый вечер наверху. Гномы ставят палатки, жгут костры, жарят доставленное людьми мясо, пьют подаренное Его Величеством Джеральдом пиво, спорят, ругаются, обустроивают лагерь, пробуют приготовленное мясо, обжигаются, дуют на обожженные пальцы, ворчат, что все пригорело, что здесь, наверху, все не так, вот даже мясо... возятся в темноте палаток, ищут потерянные впотьмах и впопыхах вещи, сокрушаются по поводу оставленного в Петрии добра, степенно рассуждают о возможностях обещанного им рудника, между делом припомни-

нают друг другу старые обиды, опять спорят, ругаются, молодежь открыто, напоказ целуется, а кое-кто, кажется, уже и не только целуется, впрочем, в темноте не разобрать, да и времени на это нет, прежние устои рухнули, новые еще не возникли – кто теперь может сказать, что можно и чего нельзя? Похоже, что сегодня можно все – или, во всяком случае, многое... по крайней мере тем, кто делом не занят. Есть же на свете счастливицы и счастливицы!

Граница, отделяющая гномов от сопровождающих их людей, весьма условна, то тут, то там завязываются какие-то общие беседы, хорошо хоть, до ссор дело пока не доходит. Но ведь никто не может пообещать, что этого не случится. Случиться может все, причем в любой миг. Вот и жди, когда это произойдет, гадай, что именно сделается и как потом все это поправлять. И радуйся тому, что пока все тихо. Пытайся насладиться всеобщим послушанием гномов, пусть и весьма-весьма относительным. Что? Как-то не очень? Привыкай. Такова теперь твоя роль и твоя доля. Должен же кто-то этим заниматься.

А вообще... плохо быть владыкой!

Хорошо остальным – сиди себе у огня, пей пиво, ешь мясо, дожидайся обещанных «безбородым безумцем» звезд небесных да переругивайся от скуки с соседями!

А владыке? Да ничего подобного!

– Не была бы такой душой – ушла бы вслед за Якшем! – буркнула в сердцах юная гномка. – Как же вы все мне надоели!

Ей приходилось то и дело улаживать мелкие дразги своих соплеменников, грозящие как минимум скандалом, а то и похуже чем. Хорошо еще, хоть Мудрые Старухи помогали да некоторые Невесты – те, у которых хватало сил и желания оторваться от поцелуев и более смелых экспериментов... таких, увы, было не слишком много. Вот и старайся, владыка, одна за всех, а то, что тебе говорят вместо «спасибо»... Эх, да что уж там! Это остальные отдыхали, а у нее свободной минутки не было.

Впрочем, не только у нее, всю старались те, кто создавал ей эти проблемы. Вот уж кто трудился не покладая языка!

Хорошо было Якшу. За ним стояла традиция. Он правил долго, ему повиновались привычно, не задумываясь. О чем тут задумываться, в самом деле? Якш сказал, значит, так надо. Да и в самом деле, как это можно – Якшу не подчиняться? Никогда такого не было. А раз не было, значит, и быть не должно.

А еще он был прирожденным владыкой. Да он одной силой своей личности делал любой приказ непререкаемым. Его слово расплавленным металлом стекало по желобу в готовую форму и, остывая, становилось Законом. Обычаем. Традицией. Так то – он, Якш. Настоящий владыка. Подлинный.

А ей как быть? Власть взяла нахрапом. Выхода не было, потому и взяла, выхода не было, потому и отдали, а тут еще и Якш поддержал, что может быть лучше?

Лучше.

Это тогда казалось, что лучше. А теперь-то как? Якш ушел, а собственного авторитета не так чтобы уж очень. Его еще заработать нужно – авторитет.

Юная владыка горько усмехнулась, сообразив, что самая частая фраза, которую она произносит уже почти машинально, не задумываясь:

– Горло перережу!

«Скоро я буду с ней просыпаться вместо „доброе утра“, потом она начнет мне снится, а потом я буду отвечать таким образом на все, что мне скажут, и даже на то, о чем промолчат».

«И после смерти меня нарекут „Грозной“, не иначе. А как еще наречь сумасшедшую девку с ножом и таким милым присловьем на устах?»

Да уж, изумительная фраза. В самый раз для юной непорочной Невесты. Впрочем, она уже и не Невеста. Владыка не может быть Невестой. Владыка не может выйти замуж, только жениться. Ни один гном не посмеет взять в жены владыку, так что о личном счастье лучше

просто забыть. Владыка должен думать об остальных, а вот остальным о нем думать необязательно. И они пользуются этим своим правом, с превеликой охотой пользуются.

Ну вот... опять.

Что-то орал, требуя немедленного почтения, старейшина Пихельсдорф, не отставал от него и старейшина Унтершенкель. Что-то бурчали прочие собравшиеся возле этих двоих старейшин.

«Не слишком ли много у нас старейшин?»

Юная владыка вздохнула и устало направилась в сторону, откуда доносились ясно различимые вопли главных скандалистов и неразборчивое, но оттого не менее грозное бурчание остальных.

«Кто знает, кто может знать, что еще придет в их дурацкие головы в следующий миг?»

«Ничего хорошего, можно не сомневаться. Хоть в чем-то можно не сомневаться. Это утешает? Или должно утешать?»

– Мы должны были первыми приветствовать Владыку людей! Первыми после Якша! – выдавал старейшина Пихельсдорф.

«Ага! Давай, разоряйся! Не удалось тебе свое жирное брюхо на самую середину выкатить, вот тебе и неймется, обделенный ты наш!»

– Мы должны были быть даже раньше Якша! Он больше не владыка! Не владыка! – вторил ему старейшина Унтершенкель. – А мы – это мы! Родовитее нас нет гномов! И Джеральд должен был приветствовать нас, а не этих выскочек! Почему он оказался в центре, а не слева, как положено по этикету?!

«Потому что у людей другой этикет, старый безмозглый кретин!» – хотелось сказать юной владыке, но она в который раз сдержалась, подошла и вежливо поинтересовалась, чем именно недовольны два скандалиста и чего им хочется.

– Нужно немедленно повторить церемонию! – возгласил Пихельсдорф.

– Да! – тут же поддержал его Унтершенкель. – Повторить!

«Надо же, кажется, они впервые так единодушны! Вот только надолго ли?!»

– Повторить? Как вы себе это представляете? – хмуро поинтересовалась она.

«Ну же! Отвечайте за свои слова, тупоголовые идиоты! А то без толку орать всякий может!»

– Ну... владыке людей объяснят его ошибку, он принесет извинения, мы его извиним, ритуал извинения можно составить самый короткий, чтоб не затруднять присутствующих, потом мы все заходим обратно в Петрию, и...

– Заходим обратно в Петрию? – юная гномка нервно хихикнула.

«А мне еще казалось, что вы впустую воздух сотрясаете, что вам предложить нечего! Ох... лучше бы оно так и было!»

Она хихикнула еще раз, но старики не обратили на нее никакого внимания. Они были заняты.

– Только я должен быть впереди тебя на этой церемонии! – воскликнул старейшина Пихельсдорф.

– Ты?! – взвыл старейшина Унтершенкель. – Жалкий безродный выскочка! Твои предки еще тачки катали, когда мои уже заседали в Зале Совета! Впереди должен быть я!

– Да! Конечно! Должен! – яростно выкрикивал старейшина Пихельсдорф. – Впереди, но только с другого конца! Такой тупица, как ты, все равно не заметит разницы!

– Что?! Да как ты...

– Я?! Да это ты...

И они единодушно вцепились друг другу в бороды.

Юная гномка подумала, что она не права. Единодушия хватило не надолго. Впрочем, бород, увы, тоже.

«В самом деле, не один десяток лет отращивали, такие сразу не выдерешь! – с раздражением подумала Гуннхильд. – Лучше б вы мозги себе отращивали!»

Оставалось только применить проверенный способ, чтобы прекратить это. Рука привычно нашарила рукоять ритуального ножа.

«Интересно, как долго их будет пугать девушка с ножом? Не может же это продолжаться вечно? Когда-нибудь они привыкнут...»

Краем уха уловив потрясающие как глубиной мысли, так и полетом фантазии речи почтенных гномов, Тэд Фицджеральд застыл как вкопанный.

«Вот они – типичные представители гномьего племени!» – хмуро думал потрясенный лучник.

Ох, Ваше Величество, что ж вы такое натворили-то! Ведь этих уродов послушать, так они собственный народ обратно в подземелье загнать готовы, прямо под обвал, на верную гибель, лишь бы только важность свою выказать да этикет свой дурацкий соблюсти! Да что там – народ, они и сами куда угодно влезут, хоть задом в печь, хоть башкой в омут, лишь бы по их вышло! И ведь таких не двое, не трое, а почитай – половина, если не все! Упрямые, корыстные, самолюбивые до помрачения мозгов, твердолобые, косные, циничные, похотливые, жестокие... ох, Ваше Величество, ну и соседей вы всем нам, всей Олбарии, спроворили!

Нет, какое все же счастье для нас всех, что гномы будут жить на острове! И какое горе, что остров этот так близко от суши. Просто безобразно близко. Гномы должны жить где-нибудь на Луне. Только тогда люди могут чувствовать себя в безопасности. А эта их несчастная девочка... в насмешку ее, что ли, владыкой выбрали? Выбрали, чтоб не слушаться?

«Я отвечаю за гномов перед людьми!»

Что она сможет? Как справится?

«Вот-вот... а значит, справляться предстоит тебе, бедняга... – ехидно прокомментировал ситуацию его внутренний голос. – Именно ты, ты и никто другой – комендант всего этого безобразия. Скажи спасибо Его Величеству и своей сбрендившей судьбе! Не правда ли – орава галдящих гномов под твоим началом – это все, о чем ты мечтал в своей жизни? Ты ведь не только за людей отвечаешь перед этими паршивцами, ты и за них самих в ответе. Быть может, даже в большей степени. Все эти так не нравящиеся тебе гномы – твои, хочешь ты этого или нет. Тебе придется заботиться о них, изо дня в день, из ночи в ночь, что бы ты сам по этому поводу ни думал. В тебе нет больше ненависти, ты убедился уже, что ненавидеть, как это ни горько, некого. Но, боже, как же они омерзительны!»

«И почему король решил, что я – именно я! – лучше всего подойду для этой роли? Именно я и никто другой – почему?»

«Без тебя вообще ни черта не выйдет!»

«Почему именно без меня, Ваше Величество?! В чем тут хитрость? Или... никакой хитрости нет, а просто королю виднее, кто для чего годится, на то он и король, чтоб такое видеть».

«Ох, Ваше Величество, ну и работку вы мне подыскали!»

В этот миг комендант Петрийского острова еще раз ощутил всю тяжесть возложенной на него задачи. Сражаться с тем, кого ненавидишь, легко, а ты попробуй защищать того, на кого и посмотреть-то лишний раз неохота, заботиться о том, от кого тебя просто трясет и выворачивает.

«Ну просто тараканы какие-то!»

Лучник решительно развернулся и широким шагом направился прочь от мерзкой склоки и несчастной гномки, пытающейся хоть как-то образумить своих каменноголовых сородичей.

Нет уж, с него хватит! Он, конечно, еще наслушается, еще и не такого наслушается, но не сейчас.

– Безобразие! Надо решительно и со всей твердостью потребовать повторения всей церемонии еще раз! – услышал он еще чей-то голос.

«Опять!»

Лучник вздрогнул.

«Их там действительно не двое. Больше. Чертовы безумцы хотят снова влезть под землю, чтоб опять из-под нее вылезти согласно со своими дурацкими правилами! Проклятые зануды!»

– Абсолютно согласен! Абсолютно! Якш держался недостаточно почтительно!

– А этот его фокус с короной просто возмутителен! Так обойтись с символом державной власти!

«Боже, да они просто психи, эти гномы!»

– Не говоря уж о том, что из-за спешки все были расставлены как попало и никто из настоящего знатных и достойных так и не занял подходящего ему места, – пробубнил третий голос.

Если раньше Фицджеральд считал гномов мерзкими насильниками и убийцами, то теперь заподозрил в прогрессирующем идиотизме.

«Подходящего ему места, видите ли, не досталось! Ах ты засранец! Да ты скажи спасибо, что жив остался, что я стрелу в тебя не всадил, ничего, может, и всажу еще, особенно если не заткнешься!»

– Разве можно решать дела такой важности в такой спешке? – гундосил еще кто-то.

«Вот и решали бы себе – медленно! – яростно подумал лучник. – Дождались бы, пока „Крыша Мира“ рухнет, и порядок! У меня бы хлопот не было!»

Он резко обернулся, намереваясь высказать тупоголовым гномам все, что о них думает, и обомлел – то были люди.

Кучка родовитых дворян, не менее гномских старейшин обиженная своим незначительным участием в происходящем.

– А все Его Величество! – бурчали они. – Нет бы ему прислушаться к мнению людей своего круга. Неспешно все обсудить, взвесить... Так нет же, достойные люди узнают о важных делах чуть ли не самыми последними, а король вершит эти самые дела, пользуясь советами и мнениями разных безродных выскочек, а ведь некоторые из них и не люди вовсе. Этот его Хью Одделл – самый настоящий гном! Тоже мне – рыцарь Олбарии!

– И куда только Его Величество смотрит?! – возмущенно пробормотал один из них. – Эти мерзкие гномы... никакого почтения!

Фицджеральд икнул и подавился несказанной фразой.

«Мерзкие гномы», – собирался сказать он сам.

Сказать.

Выплюнуть этим поганцам в лицо то, что он о них думает.

Вот только они оказались не гномами. Людьями.

«Некоторые люди так похожи на гномов. Такие же мерзкие. И почему они друг другу не нравятся?»

– А я говорю – заткнитесь! – взлетел над толпой звонкий голос юной владыки всех гномов.

И родовитые дворяне, вздрогнув, заткнулись, хотя гномка обращалась не к ним, а к своим сородичам.

– А кто опять начнет искать разницу между людьми и гномами да обиды считать, тому я просто глотку перережу! – посулила Гуннхильд Эренхафт.

«Мерзкие гномы?» – подумал Фицджеральд и невольно опустил голову, потому что ему вдруг стало стыдно, а когда поднял – увидел, как во все стороны от решительно настроенной гномки торопливо разбредаются испуганные гномские старейшины, трусливо втянув головы в плечи.

«Ай да владыка! Все-таки справилась!»

Фицджеральд посмотрел на кучку примолкших дворян и восхитился еще больше.

«А эти-то чего замолкли? На всякий случай, что ли?»

«Некоторые люди такие глупые, – с раскаянием подумал Фицджеральд. – Им кажется, что все на одно лицо, что исключений не бывает».

Уже потом, засыпая в своей палатке, закрыв глаза, он почему-то вдруг увидел лицо юной владыки всех гномов. Оно представилось ему так ясно и было таким... таким... что он даже рассердился на себя за столь неправильные, недолжные мысли. Так и уснул сердитый.

А юная владыка не спала еще долго. Ей с несколькими Мудрыми Старухами пришлось обходить беспокойные палатки молодежи. Палатки, в которых не спали. В которых только делали вид, что спят. А многие не находили нужным даже притворяться. Чего она только не наслушалась... И видят Подгорные Боги, не потому что подслушивала!

Владыка надеялась только, что до людей этот хоровой концерт не доносится, иначе, как им завтра в глаза смотреть? А что подумает Его Величество Джеральд о своих новых подданных?

– Ничего, деточка, – утешительно улыбнулась ей одна из Мудрых Старух. – Это вытекает из всего остального, что с нами случилось. Так правильно.

– А я?! – вдруг жалобно вырвалось у нее. – Мне-то что делать?

– Что захочешь! – развеселились Мудрые Старухи. – Ты же у нас теперь самая главная!

– Можешь выбрать себе любого красавчика, Унн! – хихикнула одна из них.

– И даже не одного! – подхватила другая.

– И пусть он только посмеет отказаться! – обрадованно добавила третья.

– Или они! – присовокупила четвертая.

– Но не спеши! – поторопилась добавить одна из Мудрых Старух. – Делай что хочешь, Гуннхильд, но не сегодня.

– Сегодня ты нужна нам, – тут же вставила другая. – У тебя есть острый нож, и его все боятся.

– Нож есть не только у меня! – усмехнулась владыка.

– Да, Унн, но боятся почему-то только твоего... – откликнулись Мудрые.

– Какая я страшная... – фыркнула владыка.

Она и сама не могла бы сказать, чего в ее голосе больше – досады или удовольствия. Быть кем-то большим и страшным – приятное чувство, к нему и привыкнуть можно.

Обогнув очередную разноголосую постанывающую палатку, она вдруг наткнулась на того, кто сидел настолько неподвижно, что казался неживым. Он словно бы сливался с ночью... ну – или продолжал ее.

Наставник «безбородого безумца»!

Владыка вздрогнула. Этот гном пугал ее сильнее всего прочего. Рука сама собой легла на нож.

«Да я же несколько раз здесь проходила, а его не замечала! А он сидел. Молча. И ничего не делал. Что ему нужно? Зачем он здесь?!»

– Оставь нож, владыка... – негромко промолвил наставник «безбородого безумца», и владыка увидела, что он по примеру своего ученика сбрил бороду.

– Я не опасен, – добавил он.

– У вас нет бороды! – не сдержавшись, почти по-детски воскликнула она.

– Владыка ко всем обращается на «ты», – мягко заметил он. – Это его неотъемлемое право.

– Но...

Что я здесь делаю? Почему не храплю вместе с прочими старыми пердунами, как мне и положено?

– Ну...

– Я думаю, владыка.

- Э-э-э...
- Все просто. Я думаю о том, какой же огромный просчет я допустил.
- Только один просчет? – вырвалось у владыки.
- А так обычно и бывает. Достаточно ошибиться в чем-то главном, и уже неважно, насколько хорошо ты выполнил все остальное. И наоборот, достаточно качественно смастерить нечто главное, и оно само исправит мелкие ошибки, а если и нет, ими можно будет пренебречь.
- Я не совсем понимаю, наставник...
- Бритых наставников не бывает.
- Не бывает?
- Не бывает.
- Ладно. Не бывает. Хорошо. Так какой же просчет?
- Вот из кого нужно было делать непобедимый шарт! – наставник «безбородого безумца» кивнул в сторону пылящих палаток.
- Из этих мальчиков? – удивилась владыка.
- Из этих девочек, – улыбнулся наставник. – И как это я вас всех пропустил? Старую, не иначе...
- Мы сами себя чуть было не пропустили, – буркнула владыка. – Если бы не ваш ученик...
- Вот этим мне и остается утешаться! – грустно улыбнулся наставник. – Я воспитал гения. Хотя... мне кажется, он всегда такой был. Не так уж велика моя заслуга. А звезды и в самом деле хороши. Уже смотрели, владыка?
- Не успела, – вздохнула юная гномка.
- Еще не поздно, – промолвил наставник. – Ночь, как здесь говорят, в самом разгаре.

* * *

Очень скоро Якш начал понимать, что одет он до крайности нелепо. И дело даже не в том, что тот наряд, в котором он вышел наверх, навстречу Джеральду Олбарийскому, не слишком годится для пешего путешествия. Еще как годится! Особенно если представить себе некоторые другие... наряды. В которых выжить затруднительно, не то что передвигаться, а уж путешествовать... Так что этот его наряд очень даже ничего, по крайней мере Якш не спотыкается в этих своих одеяниях при каждом шаге, ему не нужно ничего поддерживать или думать о том, как бы чего не развалилось.

Ему за этот наряд еще и сражаться пришлось.

Одеваясь для исторической встречи с Джеральдом, Якш предпочел одеяния не столько роскошные, сколько удобные, чем немедленно вызвал брюзгливую воркотню отдельных членов Совета Мудрецов и даже агрессивные попытки внести в одеяние владыки существенные изменения. И если бы не юная владыка... кто знает, удалось ли бы ему отстоять свой выбор? Потому, что, проиграв во всем остальном, сдав все позиции, старые пердуны вдруг до судорог захотели, чтоб их владыка предстал перед королем людей «во всем блеске своего великолепия». А подобная формулировка для любого искушенного в Высоком Гномьем Этикете означает совершенно определенный выбор платья. И вот пускай владыка его обязательно наденет.

Да-да, именно это... а еще это... и вот это... и это тоже, как же без этого? Не забудьте еще про это, это и вот это... а без этого и вовсе никак... Вы что, с ума спятили? Самое главное чуть не забыли! Да-да и вот это тоже, для пущей важности...

И тогда, де, люди поразятся, потрясутся, испытают благоговение и гномов больше уважать станут!

Идиоты. Хуже всей этой церемониальной одежды только понос во время самой церемонии. Одни латы из драгоценных камней чего стоят! А сколько весят! И будет он стоять перед

Джеральдом, разукрашенный, как подарок на их это рождество, потя и задыхаясь под этой тяжестью, дурак дураком, одним словом.

Уважения это достославное деяние гномам, бесспорно, прибавит. Кто бы сомневался! Так прибавит, что дальше некуда. Совсем некуда.

Сволочи. Мерзавцы. Вас бы самих в это облачить!

Впрочем, юная владыка быстро положила конец мерзкой сваре, просто пообещав перерезать горло любому, кто скажет еще хоть слово на эту тему. Во что одеваться, каждый решает сам, а Мудрецам должно быть стыдно, что у них других дел нет, что они такими глупостями занимаются? Так она им сейчас найдет таковые! Ну, кому тут делать нечего?

Хорошая девочка. Дай ей Боги удачи в ее нелегком труде.

Вот так и попал Якш наверх в самом практичном из своих одеяний. Беда в том только, что гардероб владыки определяется обычаем и традициями. Простота и удобство не поощряются и не приветствуются. Совсем не украсить одеяния владыки золотом и самоцветами, обойтись совершенно без алмазных россыпей и изумрудных вкраплений – мастера о таком даже помыслить не смели.

Нет, идти в этом вполне удобно, вот только... те несколько случайных путников, что повстречались Якшу, таращились на него так, словно у него две головы выросли, а потом долго еще оглядывались. Сначала Якш думал, что это из-за того, что он гном, но ведь и люди бывают не слишком высокого роста, а гнома небось не каждый и видел, однако последние двое прохожих, по виду суших бродяг, окончательно разъяснили ситуацию.

– Видал этого, а? – чуть понизив голос, но так, что Якш все равно расслышал, сказал один.

– Ну? – неразборчиво буркнул второй.

– Нет, ты видал, каково расфуфырился? – гнул свое первый.

– Вельможа небось, – бросил второй. – Вельможи – они всегда...

– Вельможа! – язвительно воскликнул первый. – Скажешь тоже! Вельможа на коне должен быть, со свитой, сам понимаешь, а тут какое-то недоразумение кривоногое!

– А борода-то, борода! – подхватил второй.

– Во-во! Я такого чучела... – сказал первый.

– Так, может, это сумасшедший вельможа? – испуганно предположил второй.

– Ну? – чуть удивился первый.

– Вот те и ну! Сбежал, небось, а его все ищут! – воскликнул второй.

– Да? – недоверчиво промолвил первый.

– А то! За ним, небось, погоня.

– Погоня?

– А ты думал! Поймают и нам заодно наладут!

– Нам-то за что?

– За все хорошее! А то и прибьют, чтоб чего лишнего не сболтнули.

– Так, может, того...

– Вот именно, что того... давай-ка прибавим шагу!

Голоса скрылись за поворотом, а Якш глубоко задумался. В этой простенькой одежонке, выбросив корону, самому себе он казался чудовищно незаметным. Вот только это было не так. Его не просто замечают – его опознают, как чучело. Как вельможное чучело. Как возмущение естества. Как нечто нелепое до безобразия. А это опасно. Люди, как и гномы, не любят того, что выглядит непривычно. Оно может показаться угрожающим. Раньше или позже его просто убьют из-за этого несчастного платья. И почему он не догадался попросить какую-нибудь нормальную человеческую одежду у «безбородого безумца»? Ведь был же момент! Но так хотелось красиво уйти, уйти, не смирившись, не признавая поражения, а эта заминка бы все испортила. Эх, что уж теперь...

– А ну стой! – услышал Якш над самым ухом чей-то не слишком приятный голос.

Холодная сталь, проколов богатое одеяние, кольнула его в левый бок.

– Один гуляешь? – продолжал незнакомец. – Без охраны? Здесь, в густом лесу, где полным-полно разбойников и душегубов? Да еще в такой богатой одежде?! Непорядок. Просто безобразия, если разобраться! Ты же ее сейчас порвешь и выпачкаешь! Или отберет какой проходимец! Кошмар! Снимай немедленно и клади скорей в мою котомку – там она сохраннее будет! Деньги тоже давай, а то ведь потеряешь – сам потом жалеть будешь.

– Ты кто? – спросил Якш.

Незнакомец удивленно вытаращился на Якша, а потом громко раскатисто заржал.

– Да ты шутник! – воскликнул он. – Неужто не догадался?!

– Нет, – честно ответил Якш.

– Разбойник я, – с ухмылкой поведал незнакомец. – Это я тебя сейчас граблю, если ты и этого еще не понял. Снимай, говорю, свою обновку. Гольшом ходить полезно для здоровья.

– А если не сниму?

– Заболеешь, – пообещал разбойник. – И тут же умрешь. Пырну я тебя этим вот ножиком – и все! Прощай, мама!

– Вот... этим?! – Якш презрительно фыркнул и тут же отобрал у разбойника нож.

Тот изумленно охнул.

– Ты это... как это... отдай! Отдай, слышишь! – интонация из растерянной сделалась яростной, из яростной – умоляющей. – Ты... это... отдай мое... не твое ведь...

– Ты ведь собирался забрать мое, – напомнил Якш.

– Так я ж грабитель, – укоризненно заметил разбойник. – То ж – ремесло мое, не стану грабить – как жить буду?

– Трудом, – отрезал Якш.

– Так засмеют ведь, – пожаловался разбойник. – Чтоб душегуб, грабитель и вдруг – трудом. Ты, лучше это... отдай нож-то...

– Мой отец, мои деды и прадеды – все были воинами, – наставительно заметил Якш. – Воина можно убить, но нельзя ему безнаказанно угрожать. А твой отец был ремесленник, верно?

– Верно, – ошарашенно пробормотал разбойник. – Но...

– Вот и не угрожай воину. Грабитель нашелся! – презрительно фыркнул Якш. – Да еще и таким ножом...

– А чем тебе нож не угодил?! – возмутился разбойник. – Справный нож. Разбойничий. И рукоять красивая. Резная, не абы что!

Якш щелкнул ногтем по лезвию и презрительно скривился.

– Слышишь, как звенит? Да его пальцем сломать можно, это дурное железо! Тебе что, на хороший нож денег жаль, господин грабитель? Забирай назад свою ржавчину!

Якш бросил нож под ноги разбойнику и брезгливо вытер руку о свое платье. Мигом подхватив брошенный нож, разбойник живо попятился в сторону кустов.

И тут Якша осенило.

– А ну стой! – самым что ни на есть разбойничьим голосом возгласил он.

«Тут, наверху, все другое. А значит, нужно учиться жить по-новой. По-другому есть, пить, говорить, одеваться... все по-другому. И всегда с чего-то нужно начинать – так не все ли равно, с чего? Поучимся пока разбойничать, раз ничего другого не подвернулось. Кажись, наука нехитрая!»

Разбойник, вздрогнув, застыл на миг, а потом, издав нечленораздельный возглас, ломанулся в кусты. Якш рванул следом, поспел с большим трудом, на его счастье, кусты слегка притормозили повелителя чужих карманов, и Якш успел ухватить его за пояс и, выдернув обратно, швырнуть на колени.

– Если я говорю «стой», нужно остановиться... – свистящим шепотом поведал Якш.

– Чего тебе? – ныл коленапреклоненный разбойник. – Я ж ничего тебе не сделал... ну чего ты, а?

– Дело в том, что я обдумал твоё щедрое предложение и почел за благо принять его, – важно ответил Якш.

– Че... чего? – испуганно заикнулся разбойник.

– Ты собирался меня ограбить – вот и грабь! – ласково, как родному, улыбнулся ему Якш. – Хотел мою одежду – вот и получишь. В обмен на свою. А ну-ка, живо раздевайся!

– Я... что... как это – в обмен? – растерялся разбойник. – Как то есть в обмен?! – взвыл он дурным голосом, вмиг сообразив, как он будет выглядеть в этом бесспорно дорогом, но безмерно нелепом наряде, что ему скажут товарищи по шайке, какое выдадут прозвище и сколько лет будут шутить и насмехаться по этому поводу.

– Так это нельзя, чтобы... – ныл он. – Это неблагородно, нечестно, бесчеловечно – вот!

– Действительно – бесчеловечно, – сочувственно покивал Якш. – Полностью согласен с тобой. Да ты снимай, снимай... не стой как каменный!

– Это супротив закону, чтобы то есть разбойников вот грабить...

– Как ты прав, – примеряя разбойничьи штаны, промолвил Якш. – На твоём месте я бы обратился в суд. Главное, знаешь ли, правильно изложить суть дела. Нужно сказать что-нибудь в таком роде: «Иду это я себе тихо, мирно, никого не трогаю, прохожих помаленьку граблю, и представьте себе, господин судья, тут один из этих самых прохожих подло нападает на меня и грабит меня самого! Окажите содействие, накажите мерзавца! Пусть знает, как разбойников грабить!» Думаю, если ты изложишь дело подобным образом, непременно выиграешь процесс.

Тайные агенты секретной службы Олбарии помирали со смеху на своих постах, глядя, как несчастный разбойник ковыляет прочь в коротких штанишках и мантии, из-под которой выпирает волосатое брюхо. Сочетание же небритой чумазой рожи с изумрудами на воротнике было и вовсе потрясающим.

Тем временем бывший владыка всех гномов своим собственным, отличной гномской выделки ножом укоротил рукава и штанины отобранной одежды, облачился в нее и тронулся в путь, беззаботно насвистывая замысловатую мелодию.

* * *

– Раз между людьми и гномами нет никакой разницы, значит, я могу любить кого угодно! – упорствовала гномка, одна из ближайших приспешниц владыки.

Уперев руки в бока, она глядела на владыку упрямым взглядом и ни в какую не соглашалась считать себя неправой.

– Духи огня! – простонала владыка. – Ты бы хоть до острова подождала, что ли! Что, эта ночь – последняя в твоей жизни была?!

– Знаешь что, Гуннхильд Эренхафт, ты бы сперва сама попробовала, хоть с кем-нибудь, хоть один раз, а уж потом запреты устанавливала! – ответствовала соратница.

– Ты хоть подумала, что о нас люди подумают?! – беспомощно воскликнула владыка.

– Представь себе – подумала, – откликнулась сторонница свободной любви и межрасовых связей. – А вот ты небось за прочими хлопотами подумать-то и не успела, поэтому теперь так и разоряешься!

– Люди подумают, что у гномов нет ни законов, ни устоев, ни принципов, ни морали! – несчастным голосом проговорила владыка.

«Боже, от какого старейшины я услышала эту чушь?!»

– Это ты так говоришь. На самом деле они ничего такого не думают, – убежденно ответила гномка.

– Да?! Откуда тебе это известно?! – рассердилась владыка.

- Оттуда, что я не только обо всем об этом подумала, я еще и спросила.
- Кого ты спросила? – напряглась владыка.
- «Так. Что еще придется утрясать, перед кем извиняться?»
- Человека спросила, – беспечно ответствовала спорщица.
- Какого еще человека? – владыке все меньше и меньше нравилось то, что она слышала, но разве ее кто когда спрашивал? Все-то ее перед фактами ставят, а потом как хочешь, так и разбирайся. Словно ей больше заняться нечем.
- Так кого ты спросила? – повторила Гуннхильд.
- Своего парня, – ответила гномка. – Спросила, что он обо всем об этом думает.
- И что он сказал?
- Сказал, что хочет еще. Вот тебе и ответ.
- Ну знаешь, что!
- Знаю, – кивнула нахалка. – А ты – нет. Хочешь узнать?
- Я... – владыка до того растерялась, что даже не нашлась, что ответить.
- Хочешь, я тебя со своим парнем познакомлю? – продолжала меж тем нахалка. – Я не жадная. Попробуешь хоть, что это такое, а то все ходишь да ножом размахиваешь. Не надоело?
- «Надоело! – хотелось сказать владыке. – Все надоело! Ножом размахивать – надоело, старейшин гонять – надоело, вас ругать – надоело, а хуже всего надоело не знать, как правильно!»
- Но она не сказала этого. Попробуй тут, скажи! Мерзавка только того и ждет. И что теперь со всем этим прикажете делать? Как решать? Эту ножом не напугаешь. Не старейшина.
- А знаешь... – задумчиво молвил бесшумно подошедший Фицджеральд. – Я тут подумал и решил. Не стану я этого запрещать. И наказывать своих никого не стану. Ни мужчин ни женщин. И тебе не советую. Грех это – за любовь наказывать.
- Он повернулся и так же бесшумно удалился.
- «Ну, спасибо за помощь, нечего сказать – удружил. Не мог в сторону отозвать или хоть на ухо, что ли? Взял и ляпнул. Тут же. При всех. Вот уж спасибо так спасибо!»
- Вот. И господин комендант так же думает! – тут же подхватила распекаемая.
- Иди, – вздохнула владыка. – Иди к своему парню.
- А ты?
- А мне подумать надо.
- Чем долго думать, лучше пригласи в свою палатку господина коменданта!
- Что?! – возмущенно выдохнула Гуннхильд.
- А то ты не заметила, как он на тебя поглядывает! – ехидно фыркнула гномка.
- Брысь!
- «Сегодня она будет ходить и хвастаться, а завтра кто-нибудь обязательно последует ее примеру!»
- «Я ничего не могу с этим поделаться».
- «А надо?»
- «И что она, эльф ее заешь, имела в виду?»

* * *

Ночь светлела. Близились утро. Еще одно утро новой жизни, чтоб ее подняло да шлепнуло, непонятную!

Сидеть, глядя, как медленно умирает сумасшедшее светило верхнего мира. Как равнодушно глотает его чудовищная яма горизонта. Это переростки говорят «горизонт», но любой здравомыслящий гном без труда разглядит могучую темную пасть. Глядеть, как эта безжалостная пасть окрашивается кровью – и даже вроде бы зубы сверкнули! – это люди говорят – «зарницы», но клыки остаются клыками, как их ни назови! А переростки велят ждать обещанных

звезд, клянутся, что солнце взойдет еще раз, следующим утром взойдет. Вот только то ли самое это будет солнце? Или какое-то другое? А звезды... где милый сердцу уют и покой просторных пещер? Где торжествующая, словно державная песнь, великая красота и слава подземного мира? Где, наконец, каменная тайнопись, что превышает сказок и песен?

Вместо всего этого такое огромное и такое холодное пространство. И далекие-далекие огоньки, насылающие ужас и тоску. Здесь ощущаешь себя одиноким даже в толпе. Здесь хочется ссориться, кричать и даже драться, просто чтоб не забыть, что ты – живой. Что ты не один. Чтобы не забыть и чтоб тебя не забыли. И все равно не выходит. С кем ссориться, на кого кричать, если ты в пустоте? А взмах занесенной для удара руки длится бесконечно. Здесь нет времени, оно сожрано пространством. А это очень страшно, когда пространство становится на место времени.

Ты не нужен... не нужен... не нужен... знаешь, почему тебя нет? А вот поэтому. Потому что не нужен. Ненужный ты... и значит, тебя нет. Нет и никогда не было. Потому что не нужен...

А эти хваленые звезды с равнодушной злобой глядят вниз. Они и правда злые, раз под ними творятся столь злые дела. Где это было видано, чтоб Невесты сами выбирали себе мужей? А теперь... и не мужей даже, а... обнаглевшие Невесты просто хватают понравившихся им молодых гномов и таскают их почем зря в свои палатки. А те и рады, дурни. Разве ж так должно поступать уважающим себя гномам? А может, это уже и не гномы вовсе?

Сидеть и смотреть на выгнутый, опрокинутый мир и слышать, как совсем рядом, за тонкой тканью палаток, опрокидываются устои и заветы рода...

Сидеть, умирая от одиночества, а потом вдруг поймать точно такой же взгляд... и еще один... и еще... Передавать эти взгляды от одного другому, от одного другому, как родовую чашу в круге. Невидимую, но такую реальную. Пить из нее дивный напиток исчезнувшего времени. Снова дышать. Жить. И воспрянуть духом, потому что есть еще гномы, не перевелись еще. Не всех спалило безумным солнцем верхнего мира, не все продались за лживые человечьи звезды. Есть еще наши. Есть.

Смотреть друг на друга, прозревая дорогу, а потом тихо встать и раствориться в ночи. Суматохи вокруг полно, никто не заметит исчезновения небольшой группы стариков, да и кому до нас дело?

Домой!

Домой!

Назад. В родную Петрию.

Умирать?

Пусть. Старикам все одно умирать, зато дома...

Тьма укрывает нас. Тишина прячет наши шаги. Удача улыбается нам. Она всегда улыбается идущим на смерть, ведь им нечего терять, они ничего не боятся, а значит, могут потребовать любой награды. Вот мы и требуем. И удача, склоняясь перед нами, смиренно открывает нам двери родного дома. За ними смерть, ну так что с того? Нужно было уйти куда-то, совсем уйти, поверить, что возвращение невозможно, чтобы понять, как же он нам дорог, наш старый привычный дом, дорог настолько, что никакого «невозможно» отныне не существует. «Невозможно» это для тех, кто собирается выжить, а мы просто идем домой.

И вперед. Только вперед. О нашем пути, верно, сложат легенды. О том, как последние гномы шли домой. Нам их уже не услышать, так что с того? Что нам за дело до чужих песен? Мы просто придем домой. Войдем, вздохнем облегченно и счастливые встанем меж огромных каменных ладоней, встанем и тихо скажем: ау, мы здесь! мы вернулись! И тогда каменные ладони сомкнутся.

Что? Какие-то люди? Их даже много?

Вперед!

Вы что, не понимаете, что нас все равно больше?! Сколько бы нас ни оставалось и сколько бы ни прибыло их, нас все равно больше!

Жалкие переростки не остановят гномов, спешащих умереть вместе со своей родиной. Прочь с дороги! Мы не хотим вашей смерти! Мы просто хотим домой. Войти в свой дом. Просто войти. А дверь захлопнется сама. Навсегда, переростки. Навечно.

Гномы! Сомкнуть ряды! Это только кажется, что нас мало! Разве вы не видите огромный незримый шарт, окружающий нас со всех сторон? Шарт нашей безумной надежды! А еще у нас есть топоры. Маленькие, конечно. Большие остались внизу, в Петрии. Но мы и маленькими справимся, переростки, верите?

Вижу, что верите...

Да и не надо нам с вами сражаться. Мы ведь никому зла не делаем, мы просто идем домой.

Ах, вас поставили охранять Петрию от людей, чтоб никто туда по жадности да глупости за гномским добром не сунулся и не погиб ненароком? Это правильно, переростки. Выполняйте приказ Его Величества. Охраняйте Петрию от людей, охраняйте ее от себя, а нас пропустите... ведь мы не люди.

Ну, вот и договорились.

Мы ведь никому не скажем, что вы нас пропустили.

Мы уже никогда никому ничего не скажем.

Прощайте, переростки... и если в вашем безумном мире можно быть счастливыми – будьте счастливы!

Они уже почти дошли.

Благословенные ворота были совсем рядом. Еще какой-то десяток шагов, и уютный полумрак принял бы их, но в этот миг тяжело содрогнулась земля. Так тяжело, что даже привычные ко всему гномы вострепетали от ужаса.

– Быстрее! – закричал один из них, самый сообразительный, но было поздно.

Потому что ворота клацнули, словно огромный каменный рот, с треском и скрежетом сомкнулись прямо перед ошарашенными гномами, и вся огромная масса древнего камня, что звалась еще так недавно Петрией, гулко ухнув, стала оседать внутрь себя.

И гномы и люди застыли, потрясенные величиим разыгравшейся катастрофы. Никто не смел двинуться, да и был ли смысл бежать? От такого не убежать ни человеку, ни гному. От такого разве что птица спасется.

Огромным каменным барабаном рычала земля, поднималась великая тьма, и, словно птицы, пели умирающие скалы.

По какой-то счастливой случайности ужасающее оседание не затронуло группу людей и гномов. И когда все наконец стихло – а кто знает сколько времени прошло, день ли, час ли, но уж никак не меньше вечности, – командир небольшой заставы, нарочно оставленной у Петрийских Врат, дабы никакие мародеры на гномское добро не посягали, окликнул замерших недвижимыми камнями гномов.

– Эй, недомерки, в нашем мире можно быть счастливым, честное слово! Даже недомеркам это не запрещается!

– Наши Боги от нас отказались! – потрясение прошептал один из гномов, глядя на то место, где некогда были Петрийские Врата. – Они захлопнули дверь... прямо перед нашим носом.

– Ну и плюньте на них! – жизнерадостно посоветовал все тот же человек. – Наш Бог добрый. Он с вами такого нипочем не выкинет!

– Нет, – тихо сказал другой гном. – Они не отказались от нас. Они повелели нам жить. Постыдно бросать неоконченную работу лишь оттого, что тебе материал не нравится. Достойный упоминания мастер должен сотворить шедевр из любого материала. Будь то Петрия, Олбария или что угодно другое...

- И что же нам делать? – спросил кто-то.
- Возвращаться. Думаю, эти достойные люди дадут нам сопровождающего.
- А... Невесты?
- Придется сотворить шедевр и из этого материала.
- То есть?
- Ну... думаю начать нужно с того, чтобы понравиться им. А для этого стоит перестать их осуждать. Это по меньшей мере.
- Не хочешь же ты сказать...
- Я – нет. Это Боги сказали свое слово. Не хочешь же ты их послушаться?

* * *

Иногда начинает хотеться есть. Да так сильно, что с этим уже невозможно бороться. И тогда любой вкусный запах становится путеводной нитью. И лишь потом, утолив первый голод, начинаешь задумываться – быть может, стоило остаться голодным?

Якш пожалел о том, что зашел в этот трактир, не успев прикончить тарелку похлебки, пожалел. И не только потому, что вдруг сообразил – денег-то у него нет! Ну не привык владыка деньги с собой таскать, к чему ему деньги, раз он и так всем и вся владеет? Владел. Теперь он владеет только собой, и деньги ему еще как нужны. Человеческие деньги. И где их взять? Заработать? Да ради всех подгорных Богов, что ему, трудно, что ли?! Но есть-то уже сейчас охота. Более того... он уже ест. И чем платить за эту вот разнесчастную миску похлебки? Чем?! То-то и оно, что нечем. Стыд какой...

Однако вовсе не стыд и не то, что его сейчас прогонят как наглеца, нажравшегося на дармовщинку, заставило Якша пожалеть о том, что он поддался на сварливые требования собственного желудка. Дело было совсем не в этом. Прошрое, от которого он, как ему казалось, навсегда освободился, догнало его.

Худой, нервный трактирщик говорил без умолку:

– А теперь – гномы эти... я знаю, король запретил их трогать, вот только... какой же может быть мир – с гномами?

Трактирщик говорил уже долго. И все время – о гномах. О том, как он их ненавидит. Какие они сволочи, эти проклятые гномы, и как же король этого не видит. Ничего не скажешь – пикантная приправа к бобовой похлебке! За которую ты – гном! – еще и заплатит не сможешь.

– Никакого мира с гномами быть не может! – в очередной раз выпалил трактирщик, и Якш не утерпел:

– Может, – сказал он. – Еще как может.

Он не стал продолжать, просто не сообразил, что это необходимо, слову владыки верят безоговорочно, на то он и владыка, раз владыка сказал: «может», значит, и в самом деле – может, о чем здесь еще говорить? Владыка не ошибается. Вот только ты уже не владыка, и вокруг тебя не гномы Петрии, пора бы тебе начать понимать это.

Понимание дается непросто. Этот строгий учитель дорого берет за свои уроки, и дожить до экзамена удастся далеко не каждому, а уж пережить оный...

Глаза собеседника нехорошо сузились. Он посмотрел на Якша пристально, понимающе.

– Да ведь вы и сами... господин... – внезапно с ненавистью процедил он. – Как же я сразу не догадался?

– Да. Я – гном, – сказал Якш.

– Это ваши сволочи грабили и резали, насиловали и сжигали, – хриплый от ненависти голос человека сделался низким и страшным.

– Те гномы... они нарушили приказ, – тихо сказал Якш. – Их никто не посылал грабить и насиловать. Их посылали на войну с вашим королем Дангельтом и его воинами. Отец вашего

Дангельта основательно задолжал гномам, а платить отказался. Его сын – также. В уплату гномы решили забрать себе Ферерс, да вот не преуспели. Теперь у вас совсем другой король, да и гномы уже не те.

– Добрые и хорошие?! – яростно прорычал трактирщик. – Как бы не так! Гномы всегда остаются гномами!

– У тебя кто-то погиб от руки... тех гномов? – спросил Якш.

– Все! – яростно выдохнул трактирщик. – Слышишь ты, длиннородая сволочь, у меня погибли все! Я как раз отлучился, когда...

– Ладно, я уже понял, за что ты ненавидишь гномов, а теперь просто принеси мое жаркое, – самым повелительным тоном приказал Якш.

Этот голос, эти интонации Якш отработывал долго. Несчастный просто не может не послушаться. Самые яростные враги Якша, опытнейшие из его придворных, воины из рода воинов, подчинялись этим велительным ноткам. Бедняга трактирщик просто не сможет устоять.

Он устоял. На подгибающихся дрожащих ногах, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, он стоял – и взгляд его полыхал прежней яростью. Обыкновенный трактирщик, пересиливший то, что оказалось не по плечу воинам из воинов.

– Ладно... – вздохнул Якш. – Просто очень хотелось посмотреть на звезды. «Безбородый безумец» написал целую поэму в одном из своих донесений. Хотя, что это я, ты ж все равно не знаешь, кто такой «безбородый безумец», да и к чему тебе? Ладно. Можешь убить меня за грехи тех гномов. Это я их посылал, мне и отвечать.

– Ты?! – задохнулся трактирщик. – Как это может быть?

– Все может быть, – устало вымолвил Якш. – Даже моя смерть в этом дурацком месте. Одно обидно – звезд так и не увидел.

– Сейчас увидишь, – пообещал трактирщик, выхватывая откуда-то из-под стойки топор. Якш не дрогнул. Молча сидел, глядя, как по столешнице, по рассыпанным на ней крошкам, ползают мухи.

Это ему только казалось, что он избавился от своего прошлого, ушел, сбежал от него. Не так это просто. Прошлое идет по нашим следам, оно умеет догонять, настигать, подкрадываться. И набрасывается на нас в самый неожиданный момент. Жестокое, всевластное, страшное, оно налетает, круша наши песчаные замки, топча юные, слабенькие еще росточки нашего нового «я». Оно высасывает силы и отнимает души. И тогда могучему воину недостает сил просто протянуть руку и забрать смешной, бесполезный, отвратительной ковки топор из трясущихся рук жалкого ничтожного человечка, который в жизни никого не убивал, разве что мух тряпкой колотил.

Якш сидел и молчал. Ждал удара. А мухи все ползали и ползали.

– Будь ты проклят! – жалко и страшно выдохнул трактирщик, опуская топор.

– Я проклят... – так же тихо ответил Якш. – У меня больше нет дома, родины и народа. Ваш Бог хорошо отомстил нам, гномам, – наши небеса рухнули нам на головы... у меня, как и у тебя, никого нет. Я – изгой. Изгнанник. Никто.

– И платы я с тебя не возьму, – тускло сказал трактирщик. – Твоими деньгами руки поганить...

Он уронил топор на пол и, ссутулившись, отвернулся. Он казался очень маленьким. Меньше гнома. Меньше гномика даже. И очень несчастным.

– А у меня и нет денег, – отозвался Якш. – Ничего у меня не осталось. Ты отомщен.

– А ты и правда... тот самый? – тяжело, словно пудовые глыбы ворочая, спросил трактирщик.

«Боги, как же он устал от своей ненависти!» – подумал Якш.

– Тот... самый главный гном... который во всем виноват? – продолжил трактирщик.

– Да, – сказал Якш. – Я и есть тот самый гном, который во всем виноват. Ты все правильно понял.

Тяжело качнувшись, трактирщик проследовал куда-то в глубь своего заведения и тут же вернулся с жарким. И Якш едва успел поймать брошенное в него блюдо.

– Тогда жри, сволочь! Жри и убирайся!

Якш ел молча. Не подымая глаз. А уходя, низко, до земли поклонился уставившемуся куда-то в стену трактирщику.

И если бы тот заплакал... но по изборожденному страданием и ненавистью лицу не скатилось ни единой слезинки. А если бы скатилось – кто знает? Возможно, Якш поднял бы дрянной топорик и рубанул себя сам. Всего одной слезинки хватило бы, чтоб события потекли совсем в другую сторону, но трактирщик давно разучился плакать, а ненависть, не омытая слезами, бесплодна и не вызывает сочувствия.

* * *

Молодой агент секретной службы Олбарии опустил арбалет и беззвучно выругался самыми страшными словами, которые только знал. Издавать звуки он не имел права, поэтому заменил их бурной мимикой. Его лицо вопило яростью и гневом, пока губы беззвучно выплевывали самую что ни на есть грязнейшую ругань по адресу гнусного мерзавца и провокатора Якша. О, как же хочется дать в морду этой жирной гномской свинье, этой... этой...

Воин всегда отличит воина среди прочих, узнает такого же, как он сам, в любой толпе, секретный агент ни на мгновение не сомневался – Якш в любую минуту мог отобрать проклятый топор! Ему ничто, ничто не угрожало! Ничто, кроме него самого. Так какого же черта он сидел под топором этого придурка? Этого больного от горя и гнева гномоненавистника? Что он пытался доказать? Кому? Или просто дурака валял? Развлечения ради через пропасть прыгал? Скотина. Гнусная, мерзкая скотина. Нет, ну откуда он знал, что этот придурок все-таки не ударит? Не посмеет. По глазам прочитал? Сволочь. Как есть сволочь. Гном проклятый. Дергайся тут из-за него.

Лорд-канцлер ведь ясно приказал: приходите на помощь только в крайнем случае, только в случае реальной опасности, и никак не иначе. А ее-то и нет, этой самой опасности! Ну не может воину из рода воинов дурачок с топором быть опасным. Смешно даже думать о таком. Было бы смешно, если б Якш вел себя как человек. Или хотя бы как гном. Уж как воин-то – по-любому! А так – стой и жди, когда ситуация из абсолютно безопасной мгновенно станет критической, смертельной. Тогда, и только тогда тяжелая арбалетная стрела должна остановить руку с топором. И ни мгновением раньше. Демоны Преисподней, как спина-то вспотела!

Ага. Объект нажрался, а пива ему не предложили. Так ему и надо! Уходит. Наконец уходит. Хвала Господу, еще полчаса, и меня сменят! И пива дадут.

Агент шагнул в сторону и мгновенно исчез.

* * *

«Ну почему ты на меня кричишь? Даже если я виновата... А ты сам – уследил бы? Мне теперь что – вообще никогда не спать, да?! Или ты это... не на меня кричишь, а... вообще на гномов? Не надо. Лучше уж на меня. Я справлюсь. А они...»

«Прости... – хотелось ей сказать. – Ну виноваты... прости нас всех...»

– Заткнись! – взамен этого вытолкнули ее губы.

– Что?! – осекся он.

– Просто заткнись!

– Да как ты...

– А ты?!

– Я?!

– Да, ты! Они же вернулись!

– А если бы не вернулись?!

– Тогда мы сейчас пели бы погребальные песни... – горько сказала юная владыка всех гномов. – И плакали. У нашего народа принято оплакивать павших. А у людей?

Фицджеральд молчал. Долго молчал, глядя ей прямо в глаза. Она замороженно наблюдала, как угасает в его взоре пламя бешенства, словно гаснут могучие горны, седеет яркий от ярости уголь и все становится пеплом. Наконец, он вздохнул, опустил голову, и с его губ сорвалось шелестящее слово, после чего он стремительно развернулся и быстро пошел прочь.

Лишь спустя долгое, как жизнь, мгновение она разобрала, что же это было за слово. То самое, которое хотела сказать она сама.

«Прости!»

* * *

Якш шагал молча. Теперь он никому не напомнил бы шарт, даже завзятому гномоненавистнику, разве что шарт, потерпевший серьезное поражение, не разбитый полностью, но основательно потрепанный, вынужденный отступить. Вокруг темнело, медленно надвигались сумерки, но Якш не замечал этого, слишком темно было у него на душе, чтоб хоть что-нибудь замечать. А и заметив, так подумал бы, что весь мир хмурится, глядя на него.

Это ему только казалось, что он не отвечает больше за гномов. Казалось. Это был счастливый сказочный сон. Сон, в котором он почувствовал, что это такое – быть свободным, какое это счастье. Теперь он проснулся. Что ж, ото сна всегда просыпаются, если только сон не перетекает в смерть, но это не тот случай. А он-то, дурак, поверил, что свободен. Что не отвечает больше... ни за что больше не отвечает! Ага, как же! Размечтался! Что – да, то – да, за настоящее гномов он и правда не ответствен, с настоящим пусть новая владыка разбирается, с Джеральдом, Робертом и «безбородым безумцем» у нее неплохо получится, можно не сомневаться, а вот прошлое...

За прошлое гномов Петрии отвечал, отвечает и будет отвечать, пока не сдохнет, их прежний владыка, некто Якш. И никуда от этого не деться. И хотел бы, да не дадут. Догонят, вцепятся крючковатыми пальцами ненависти, больные от пережитых страданий, полные жаркой и ледяной ярости, вцепятся, поволокут куда-то, ухватят за бороду, призовут к ответу – и будешь отвечать. Не поспоришь – имеют право. Им ведь не объяснить, что над вырвавшейся на поверхность ордой владыка имеет не больше власти, чем над внезапным обвалом. Приказать он, конечно, может, вот только обвалы приказов не слушают.

Но разве кому что докажешь? Именно он стоял тогда у истоков владычества и ничего не сделал.

Ничего.

Правда ничего...

Съеденное жаркое тяжело ворочалось в желудке. С каждым шагом Якшу становилось все хуже, и, наконец, он почувствовал, что больше не в состоянии этого выносить. Свернув на обочину, он с маху рухнул на колени, и его жестоко вытошнило.

– Никогда больше! – бормотал он между позывами. – Никогда!

Отплеываясь и утирая выступившие слезы, он встал и услышал журчание ручейка.

«Хорошо-то как! Главное – вовремя...»

Ледяная вода исцелила его, отбила тошнотворный привкус во рту.

Первой мыслью было – трактирщик отравил жаркое. Якш ее тут же отбросил. Отраву он бы почувствовал. Столько времени пробыть владыкой и не научиться чувствовать такие вещи... так просто не бывает. Да он давно бы уже к праотцам отправился!

– Отравой стала его ненависть, – пробормотал Якш, думая о трактиршике. – Ненависть столь огромная, что ее хватило отравой сделаться.

Это на любовь нас часто недостает, а на ненависть всегда хватит. А потом мы ходим и удивляемся, что ж это нас ненавидят чаще, чем любят...

Выблевавший чужую ненависть вместе с жарким, Якш сразу почувствовал себя лучше. А вода из родника такая восхитительная! У нее нет к нему ненависти, она просто течет себе... Она хорошая. Может быть, она его даже немножко любит. Уж он-то ее точно любит, так почему бы воде не ответить ему взаимностью?

Якш поднял глаза от воды и понял, что вокруг стоит ночь.

«Ну вот и дождался, – мелькнуло у него. – Дожил. Сейчас подниму глаза и увижу то, что роскошней и краше всех моих прошлых несметных сокровищ. Звезды».

Якш немного помедлил, наслаждаясь предвкушением, смакуя торжественность момента. И опоздал. Ему так и не Удалось посмотреть этой ночью на звезды. Это они вдоволь нагляделись на него. А он...

– Ты... вот что... ты – идем со мной! – раздался вдруг незнакомый голос.

– Я – идем с тобой? – опешил Якш.

– Надо очень... совсем больна девочка... боюсь – не довезем... – проговорил высокий даже по людским меркам странный незнакомец в черных, сливающихся с ночью одеждах.

– Так тебе лекаря надо! – сообразил Якш.

«Эх, „безбородого безумца“ бы сюда!» – тут же подумалось ему.

– К нему и едем, – пояснил незнакомец. – Помоги, добрый человек, пропадет ведь!

Якш вздрогнул, на миг ему почудилось, что странный незнакомец прочел его мысли. Потом сообразил, что фраза «к нему и едем», относилась не к «безбородому безумцу», о котором он лишь подумал, а к лекарю, о котором он сказал вслух.

– Чем же я-то могу помочь? – растерянно спросил Якш. – Я ж не лекарь и...

– Нам бы ее только через ночь перевезти, – не совсем понятно объяснил незнакомец. – А днем лекарь ее полечит, и не умрет девочка.

Неподалеку за спиной незнакомца Якш разглядел смутные очертания небольшой тележки.

На миг Якшу стало плохо от нахлынувшей на него тьмы, потом тьма распахнулась, и он увидел, не въяве, но в мыслях своих, как еще один гном, яростный и безбородый, мчится сквозь ночь, безжалостно нахлестывая коня, мчится страшным неостановимым усилием, влекомый своим врачебным долгом, что, быть может, превыше всего в этом мире, где даже сумасшедшим карликам дано право, ложась спать, укрываться невиданным сокровищем звездного неба!

И снова Якш на него не посмотрел. Вместо этого он спросил:

– А что делать-то?

– Конь у нас утек... сбежал то есть... А я не могу тележку тащить. Играть мне надо. Пока играю – живет.

Незнакомец оказался бардом. Из-под длинного черного плаща он извлек редкий эльфийский инструмент – скрипку.

Даже самому себе Якш не смог бы объяснить, почему он так сразу этому самому барду поверил. Станным было все. И невесть откуда взявшиеся посреди ночи девочка, и скрипач, и сбежавший – интересно, а почему? – конь, а уж про то, что скрипка может удерживать смерть, не пускать ее к больному, – про такое он и вовсе не слыхивал. Якш не стал задаваться этими вопросами. Он просто поверил, и все. А поверив, испугался:

– Но ты же сейчас не играешь! – воскликнул он.

– Потому что время стоит, – глухо пояснил бард. – Но я не могу его долго упрашивать. Проклятая песчинка вот-вот упадет, а...

Бард не договорил, но Якш и без того все понял:

«А ты стоишь и всякие глупости болтаешь!» – вот что хотелось сказать барду, но разве он мог оскорбить того, на чью помощь рассчитывал?

– Достаточно. Веди! – резко приказал Якш, бегом подбегая к тележке и впрягаясь в нее.

«Ничего, гномы тоже кони! Уж не хуже всяких там сбежавших трусов!»

Всю ночь Якш тащил тележку, а скрипач играл. Шел впереди и играл. Якш знал, знал доподлинно, что над головой у него восхитительное и пьянящее, ни разу не виданное звездное небо, но не смел посмотреть вверх. Он боялся сбиться с тропы, оступиться, упасть. Это было бы худшим предательством в его долгой, полной разнообразнейших предательств жизни, ведь позади него трепетала, как свеча на ветру, трепетала, угасая, будущая Невеста, а где-то там, впереди, в непроглядной тьме, закусив губу от ярости, рвал пространство бешеным конским наметом сумасшедший безбородый гном, который должен был успеть. Вот просто Должен, и все тут!

«Нам бы ее только через ночь перевезти!»

Якш всегда считал, что ночь – это время такое, а вот поди ж ты – она обернулась пространством. Что ж, верно, и так бывает.

Никогда еще Якш не слышал столько чарующе прекрасной музыки. А ведь, казалось бы, у него во дворце всяких там отборных музыкантов перебивало... но то ли музыканты были не те, то ли с ним самим что-то было не так, но он поклясться готов – никто и никогда не играл при нем так! Эта музыка... она была, как доброе пиво и мясной бульон, как искристое вино и травяной отвар, как мед и хлеб, она была, как глоток родниковой воды и утренняя заря, запах первых весенних цветов, цветов, что Владыке гномов люди продавали втридорога, как запах этих цветов и летнее утро, она была как жизнь, как песни друзей и губы любимой, как звезды, которых Якш не видел.

Знаешь, о чем поет скрипка?

О звездах...

Они глядят на тебя, пока ты спишь.

А ты спишь и не слышишь, как они смотрят.

Спишь и не видишь ее песню.

Быть может, тебе даже неизвестно, что она приглашает тебя на танец?

Каждым своим звуком приглашает, а ты – спишь...

Ты так не вовремя уснул.

Впрочем, здесь и нельзя уснуть вовремя.

Здесь спят только не вовремя.

Почему?

А потому, что здесь нет времени.

Здесь только ночь.

Только ночь, и все.

А времени нет.

Так что просыпайся, а то так и не узнаешь, о чем поет скрипка, ведь она поет о звездах... о звездах...

Якш шел по тропе за скрипачом, шел окруженный музыкой и запахом ночных цветов, шел, тащил тележку с девочкой, которая жила, потому что музыка... а вокруг мрачным неумолимым конвоем шествовало время. Беспощадное к слабым и короткоживущим людям, оно тем не менее вынуждено было отступить перед яростной волей человека-барда. Оно не смело приблизиться и схватить девочку, ибо яростные молнии звуков били его наотмашь, пронзали эльфийскими стрелами, рубили гномьими секирами и человеческими мечами. Казалось, весь мир

стоял за будущую Невесту, и мертвое холодное время отшатывалось, испуганное этой искренней яростью живого в борьбе за жизнь, яростью, непонятной всему мертвому и холодному, а оттого вдвойне пугающей.

«Нам бы ее только через ночь перевезти!»

«Ничего, перевезем! Эй, время, прочь с дороги!»

Нужно просто идти и тащить тележку. Просто идти и тащить. По серебристой тропе сквозь ночь. По тропе, что возникает по волшебному слову заговоренной скрипки, скрипки, выговаривающей шаг за шагом, уговаривающей время и ночь подвинуться, а болезнь – помедлить.

Якш не сразу понял, что идут они сквозь лес, столь густой, что и вообразить страшно. В таком лесу обязательно должны были водиться лесные чудовища, поджидающие гномов еще с древнейших, эльфийских времен. Они, конечно, захотят схватить его, гнома и бывшего владыку гномов. Они пересекут тропу, заставят замолчать скрипку и...

И что теперь? Бросить тележку и бежать, завывая от ужаса?! Оставить на растерзание и смерть будущую Невесту? Это ничего, что человечью, это все равно. Она будущая Невеста, мать еще не рожденных детей, а он – старик, это ничего, что гном, это все равно. Он – весь из прошлого. Кому, как не прошлому, сражаться за будущее? Так что пусть лесные чудовища не надеются, что он сбежит. Вот еще! Якш дерзко усмехнулся притаившимся в засаде чудовищам и сделал еще шаг. Точно такой, какой требовался, именно такой, какой был необходим. В строгом соответствии с канонам, которого требовала скрипка. Шаг, еще шаг... чудовища так и не вышли из мрака. То ли убоялись эльфией же скрипки, то ли не сочли себя вправе перейти дорогу столь странной компании, то ли... а может, их и вовсе не было?

– Не было, – не оборачиваясь, сказал скрипач. – Чудовищ, видишь ли, вообще никогда не бывает... если только мы сами их не порождаем.

Якш вздрогнул. Странный бард и вправду прочел его мысли! Ему в тот первый раз не почудилось. Или он задумался и произнес свои мысли вслух?

– Ну вот, – с облегчением произнес бард, не переставая играть. Теперь уже скоро... еще немного пройти...

Последние слова гонгами прогудели в голове Якша. Идти сделалось трудно. Неимоверно трудно. Воздух загустел и словно бы превратился в воду. Мало того, что дышать нечем, так еще и идти тяжело. А почти невесомая тележка за спиной вдруг как бы превратилась в рудничный возок, набитый породой по самый верх. Якш живо припомнил, как в молодости он сvez один такой возок, что и шестерым тащить было тяжело. На спор сvez. В горку к тому же. Ну так то было в молодости... Пот ручьями тек по спине, перед глазами мешались черные и красные пятна, страшно шумел лес, грозя вот-вот обвалиться и задавить, и Якш уже почти не слышал скрипку.

– Ну еще чуть-чуть, – донесся до него голос скрипача, словно бы из далекой дали донесся... и он рванул из последних сил.

«Врешь! Не сдамся! Вот так и умру, но не сдамся!»

И оказался один. Один, на границе величественнейшего леса. Ночь кончилась. Наступал рассвет.

Один. Ни тележки, ни скрипача, ни девочки... никого. Где они? Отстали? Он их где-то потерял? Сбежал, как тот конь? Сам вырвался, а их... ночь не отпустила?

Ничего. Он сейчас вернется. Тропа за спиной, она никуда не делась, так что...

Якш обернулся и замер пораженный. За его спиной не было никакой тропы. Никогда не было. Огромные, величественные деревья смыкались так тесно, что где там тележке проехать, тут и гному не протиснуться. Нипочем не протиснуться.

– Но раз нет тропы – где ж я тогда шел? – жалобно пробормотал он. – И где они... девочка... скрипач... тележка?

– Мне все это приснилось, да? – сам себя спросил Якш.

Но откуда тогда такая усталость, будто и впрямь рудничный возок таскал? Вся спина мокрая, ноги подгибаются...

– Ничего себе сны здесь наверху снятся! Верно, и впрямь трактирщик чего подсыпал в жаркое!

«На звезды так и не посмотрел!»

Зато алое, в нежнейших переливах, полотно рассвета растрогало Якша до слез. Сперва он решил было одернуть себя – неприлично владыке так распускаться, потом вспомнил, что он уже не владыка, и дал волю восторгу и благоговению. Ну и что, ну и пусть, подумаешь, кому какое дело – стоит старый дурень гном, рассветом любующись, да слезки роняет одну за другой, смейтесь, если кому охота, вот только смеяться-то некому, потому как нет здесь никого.

Зато чуть подальше деревушка. «Безбородый безумец» сообщал, что селяне обычно люди простые и добрые. Пойду, попрошу чего, не откажутся же они накормить старого нищего?

Якш еще раз оглянулся на лес, словно в глаза ему заглянуть надеялся, будто рассчитывал прочесть в них ответ на ту загадку, что произошла с ним тут так недавно.

Лес усмехнулся в моховую бороду. Глаза закрыл. Сам, дескать, ищи ответ, стану я тут всяким глупым гномам за просто так ответы раздавать. Жив остался, целехонек, вот и благодарен будь, в пояс кланяйся, а выпрашивать не моги, нет у меня охоты с гномами разговоры разговаривать.

Якш вздохнул. Поклонился, как требовали, и, отвернувшись, двинулся в сторону деревеньки.

Лес открыл глаза. Лес смотрел ему в спину долгим тяжелым взглядом. Якш не знал, что этот взгляд означает, а обернуться так и не решился.

– Только бы с девочкой все в порядке было, – пробормотал он. – Слышь, ты, человеческий Бог? Ты меня не знаешь, я тебя тоже, но я тебя прошу, сделай так, чтоб с ней все было хорошо. Даже если она всего лишь приснилась. Даже если ее и вовсе не было.

* * *

– Сопровождаемый нами объект чрезвычайной важности потерян... – ошалело сообщил испуганный агент.

Тишина звенела перетянутой струной, безмолвным криком звенела.

– Так, – спокойно молвил его начальник. – Дальше. Как это произошло?

Агент догадывался, чего стоит начальнику эта его невозмутимость, шутка ли – не иголку в стогу сена потеряли, а, можно сказать, ключевую фигуру в такой сложной и опасной игре, что просто голова кругом, как об этом подумаешь.

– Рассказывай, – поторопил начальник.

«Рассказывай! А что тут расскажешь?! Когда вполне реальный здоровущий гном среди бела дня словно призрак исчезает, о чем тут рассказывать?! Как рассказать о том, что у самого в голове не укладывается?»

– Ну, он... э-э-э... исчез, – почти жалобно поведал агент.

Начальник нахмурился. И в самом деле, мудро не рассердиться, когда один из опытейших твоих людей вдруг начинает нести откровенную чушь.

Что значит – исчез?

Как это?

Сквозь землю на ровном месте провалился, так, что ли?

Гномы, конечно, мастера под землей рыться, но мгновенно под нее зарываться они не умеют, это всем известно. И лучше бы подчиненный прекратил пороть чушь и докладывал по существу, что, в самом деле, за разгильдяйство такое?

– Ну, он же гном, – пробормотал подчиненный, – то есть я хотел сказать, воин он, конечно, знатный, и все такое, а все одно – гном и вроде бы в чистом поле тенью исчезать не должен, а вот поди ж ты – взял и исчез, ровно эльф из сказки... исчез и все тут.

– Исчез... – повторил начальник.

Поскольку других объяснений не предвиделось, а не доверять своим подчиненным не было оснований, приходилось принять эту подозрительную версию событий в качестве основания для доклада. Версия, основанная на чуде, это вам как?! А придется. Лорд-канцлер будет просто счастлив, можно не сомневаться!

– Как это может быть? – все же спросил начальник. – Вы все проверили?!

– Ну он, значит, когда из того трактира выбрался, совсем недолго прошел, как его, значит, блевать кинуло. Я еще тогда удивился, вот думаю, владыка, гном, а какой чувствительный! – начал рассказывать агент. – А когда он блевать закончил, водички из ручья попил, да... а потом поднял глаза, словно его позвал кто... и исчез! И ничегошеньки от него не осталось. Мы уж с отчаяния каждую травинку, каждый камешек перевернули, а только нет его проклятого. Тут и ночь нагрянула.

Начальник олбарийской секретной службы вздохнул.

– Продолжаем искать, – промолвил он. – Растянуть территорию поиска, насколько только возможно, и перевернуть все камешки еще раз. И еще. И сколько понадобится. Приказ ясен? Выполняйте!

* * *

Любое ожидание раньше или позже заканчивается.

Шагом навстречу.

Взмахом секиры.

Ударом кинжала.

Вкусом яда на губах или прыжком в пустоту.

Улыбкой.

Да мало ли чем?

Любое ожидание раньше или позже заканчивается.

– Какая честь! Сам лорд-канцлер! – не оборачиваясь, с усмешкой промолвил наставник «безбородого безумца»: Вы принесли мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

Он и в самом деле ожидал кого-то из людей Роберта де Бофорта. За ним просто не могли не прийти. Раньше или позже... Разведчиков такого уровня никогда не оставляют в покое. Обычно их и в живых-то не оставляют. Хлопотно. Рискованно. Их или используют, или уничтожают. Оставалось дожидаться, что же предпочтет Роберт де Бофорт.

Лорд-канцлер предпочел явиться сам.

– Предложение? Почему вы так решили... коллеги? – негромко спросил Роберт де Бофорт.

– Ну, не убивать же вы меня пришли, в самом-то деле! А поскольку третьего не дано... или вы, как и мой лучший ученик, предпочли не доверять столь многотрудное дело кому бы то ни было?

«А справишься ли ты со мной, переросток?»

– Вообще-то я принес вам письмо, Ханс, – ответно усмехнулся Роберт де Бофорт.

Наставник «безбородого безумца» вздрогнул. Давно уж никто не называл его по имени. Так давно, что он и сам отвык от его звучания. Это было так же непривычно, как ветерок, ласкающий голую кожу там, где раньше была борода, или еще непривычнее. Ни один гном не называл его иначе, чем «наставник», разве что Якш, хотя Якш и вообще его никак не называл,

для Якша он был просто опытным наставником, мастером, воспитателем лазутчиков и не более того.

А теперь – вот, Роберт де Бофорт. Лорд-канцлер. Человек. Коллега.

– Я не думал, что наверху известно мое имя... Роберт, – промолвил наставник гномских лазутчиков.

– Можно просто Берт, коллега, – отозвался тот.

– Благодарю, коллега, – поклонился наставник Ханс. – А еще я не знал, что на досуге вы подрабатываете разносчиком писем.

– Для такого профессионала, как вы, коллега, это непростительное упущение, – покачал головой Роберт де Бофорт.

Он то ли не заметил оскорбления, то ли не пожелал оскорбиться. Или же просто... победителю нет дела до жалких потуг побежденного? А может, ему и впрямь не обидно?

– Как вы правы, коллега... старость, знаете ли... годы берут свое... – шутливо развел руками наставник Ханс. – Так что же это за письмо? Я, правду сказать, изрядно... не знаю, как лучше выразиться: заинтригован? Ошарашен? Сбит с толку? Кто из людей мог адресовать мне письмо и с какой целью?

– О-о-о... этого человека вы хорошо знаете! – с наслаждением протянул Берт. – Должно быть, лучше всех прочих...

– Лучше всех прочих? – взгляд наставника гномских лазутчиков сделался предельно острым.

«Ты явно что-то приготовил, коллега... Ну же... наноси свой удар!»

– Единственный человек, чьи научные труды были сочтены достойными того, чтоб ваши агенты купили их и переправили в Петрию.

– Быть не может – он?! – взволнованно выдохнул наставник «безбородого безумца».

«Удар достиг цели!»

Роберт де Бофорт улыбнулся.

– Отец Марк?! – воскликнул наставник Ханс.

– Епископ Марк, – поправил его Роберт де Бофорт.

– Он... прислал мне письмо?

– Прислал.

– Шутите! Да скорей я поверю, что оно от этого вашего... который заместитель Бога на земле.

– Наместник, – поправил его Роберт де Бофорт. – Нет. Он вам не писал. Думаю, он о вас ничего не знает.

– А отец... то есть епископ Марк откуда обо мне узнал? – требовательно спросил наставник Ханс.

– А он самый первый узнал, – усмехнулся Роберт. – Когда мои люди проведали о том, что петрийские агенты зачем-то купили и вывезли к вам в Петрию именно его тексты, я отправился к нему не как лорд-канцлер, а просто как воспитанник...

– А ведь и верно! Он же ваш наставник, коллега! – воскликнул наставник Ханс. – Я и правда старею. Забыть такое...

– Так вот, я отправился к нему и спросил, что он думает по этому поводу, – продолжил Роберт.

– И что он?

– Он поинтересовался, в каком порядке были куплены его книги. А когда мы выяснили и это, сказал: «Берт, там под землей сидит хитрый старый мерзавец, и это не Якш, это кто-то другой. Когда-нибудь судьба столкнет вас двоих». Он уже тогда написал это письмо, коллега, и велел передать его вам, если он сам еще будет жив.

– Он жив? – быстро спросил наставник «безбородого безумца».

– Несомненно, – отозвался Роберт де Бофорт, протягивая конверт.

Наставник Ханс распечатал послание, быстро пробежал глазами, потом еще раз, уже медленнее, замер на миг, чему-то улыбнулся и поднял глаза от текста.

– Это приглашение, – медленно промолвил наставник Ханс. – В гости.

– Я сопровожу вас, – согласно кивнул Роберт де Бофорт.

– Благодарю, коллега...

«Чего только не бывает на этом свете, – подумал наставник Ханс. – Ждать „предложения, от которого не сможешь отказаться“, а вместо него получить то, от которого отказываться не хочешь!»

– Знаете, Берт, если бы мне предстояло умереть и вы предоставили бы мне право на последнее желание, я выбрал бы именно это, – промолвил наставник Ханс.

– О чем это вы, коллега?

– О том, что если вам все же зачем-то понадобится моя смерть, то о последнем желании можете не беспокоиться. Вы его уже выполнили. Повидать епископа Марка... это самое то, честное слово!

* * *

Корабли? Как тебе рассказать, что такое корабли? А мосты у вас в Петрии были? Вот как? У вас там аж целых три реки были? Большие? Хорошо. Хорошо, что были. Так мне проще будет рассказывать. Ладно. Представь себе реку, настолько широкую, что никакого моста не хватит. Нет. Еще шире. Еще. В две ваши Петрии шириной. Да. А теперь представь, что ее все-таки нужно как-то пересечь. Нет, подрываться нельзя. Так не бывает? Говоришь, всегда есть способ? А ты представь, что бывает. Представь, что такого способа нет или его никто не знает. Одним словом, подрываться нельзя. Что значит – тогда невозможно? Да нет, возможно. Ты уже знаешь, что такое ветер. Иногда он бывает очень сильным, толкает в спину или, наоборот, в лицо, мешает идти. Вот и представь, что мы берем наш маленький мост и кладем его на воду. Нет, он не утонет, он деревянный. Ну что ты, дерево наверху гораздо дешевле... Так вот, мы кладем наш мост на эту широкую реку и ставим на него парус. Парус что такое? Ну, представь, что ты сняла свою куртку, растянула ее на распорках и подставила ветру, что будет, представляешь? Вот-вот. Только парус гораздо больше. Его укрепляют на таком плавучем мосту при помощи мачты, это такая, ну... колонна, только деревянная тоже. Так вот, когда ветер как следует подует, он начнет толкать парус, а тот прикреплен к мосту, поэтому наш мост поплывет через эту огромную реку и рано или поздно приплывет на другой ее берег. Что? Да, конечно, это и есть корабль, если все упростить. А если не упрощать, тогда лучше дождись, пока своими глазами увидишь, я все-таки лучник, а не мореход.

«И почему у меня не выходит воспринимать ее так же, как всех остальных гномов? И кого я воспринимаю правильно – их или ее?»

– Спасибо тебе, Тэд Фицджеральд, – тихо сказала владыка. – Корабли – это, наверно, очень красиво.

– Это действительно красиво, – согласно наклонил голову будущий комендант Петрийского острова. – Куда красивей, чем я рассказал.

* * *

– Он там, я знаю, что там! – девочка умоляюще смотрела на лекаря. – Ты приведи его, ну пожалуйста, он меня всю ночь спасал, вместе с Джерри-скрипачом. Джерри домой пошел. А этот – чужой, ему идти некуда. Ты приведи его, я ему спасибо скажу. Приведешь?

– Приведу, – пообещал Шарц. – А ты пока выпей...

Он протянул чашу с питьем.

– Ты прямо сейчас иди... а то уйдет... он кушать хочет, я знаю... и спать ему негде. Он, как ты, только с бородой.

«Гном?! Быть того не может!»

«Здесь может оказаться только один гном!»

– Он спас меня, – повторила девочка.

– Ну что ты, доченька, тебе это причудилось, – вмешалась мать девочки. – Никакого бородатого дяденьки не было, а спас тебя господин сэра Хьюго Одделл...

– Нет, – покачала головой девочка. – Он не спас. Он вылечил.

– Доченька, что ж ты такое говоришь? – жалобно выдохнула мать.

– Она права, – решительно вступился за свою пациентку сэра Хьюго. – Я – только вылечил. Точней, дал необходимые лекарства, остальное, как известно, в руках божьих, а вот кто спас ее этой ночью... кто ее через ночь перевез... я ведь хуже, чем опоздал, хоть и спешил изо всех сил... – Шарц в упор посмотрел на родителей девочки, и они сжались от ужаса.

– Теперь-то беда миновала, – милосердно добавил он.

– Она так горела, бедная... – выдохнул отец девочки, могучий тяжелорукий кузнец.

– А мне скрипка сгореть не давала, – ответила его дочь. – Скрипач играл, а бородатый дяденька вез меня на тележке. Всю ночь вез. Он хороший. И храбрый. А ты иди к нему, – вновь обратилась она к Шарцу. – Иди, пока он не ушел. А то уйдет – как я ему спасибо-то скажу?

– Хорошо, – кивнул Шарц.

«Я постараюсь найти твоего бородача, малышка, даже если его нет, даже если его никогда не было, все, что хочешь, лишь бы ты жила! Потому что такие малышки не должны умирать, они должны жить долго и счастливо, радовать и радоваться, любить и быть любимыми, вырастать, становиться взрослыми и тоже рожать детишек. Я уверен в этом больше, чем в чем-либо другом на этом свете. Почему? Потому что чем дольше живу, тем чаще я начинаю думать, что звезды для того и существуют, чтоб такие, как ты, могли им радоваться. Звезды – просто восхитительные детские игрушки, а для того, чтоб играть ими, нужно жить. Поэтому я иду, малышка. Иду искать бородатого гнома с волшебной тележкой. Я обязательно найду его, ведь я – „безбородый безумец“, а нам, безумцам, обычно все удается, потому что звездное небо – за нас. И я, знаешь ли, нисколько не удивлюсь, если и в самом деле увижу бородатого гнома с тележкой, вероятно, я его даже узнаю, по крайней мере я в это верю!»

Шарц быстро вышел из дома кузнеца и почти бегом припустил к опушке леса. И хотя было яркое солнечное утро, с плеч его роскошным плащом текли мудрые и неизменные звезды. Это было так. Пролетающие ангелы видели это.

Если бы Эдмунд был здесь, он бы подтвердил. Впрочем, кто сказал, что его здесь не было?

* * *

Когда гномы увидели море... впрочем, это для людей оно было морем, гномам это слово ничего не говорило, на их собственном языке его и вовсе не было, с человеческих языков оно всегда переводилось как «слишком много воды». Так что гномы не увидели моря. Они увидели воду. Увидели и поняли, что «слишком» и даже «чересчур» слова весьма маленькие, и столько воды в них просто не влезет. Они просто лопнут от такого количества воды, эти несчастные слова! Вот, скажем, если гном наденет на себя десять пар штанов, это ведь тоже будет «слишком», может быть, даже «чересчур» будет, но разве сравнить эти несчастные десять пар с морем? Смеетесь. С ним и вообще сравнить нечего.

Вода...

Она может быть в чаше, хотя лучше, если это не вода, а пиво.

Вода...

Она обязана быть в рукомойнике. Проснувшись утром, ополоснуть лицо прохладной водой и быстрее к любимой работе!

И хорошо, когда вечером, после трудного, но успешного дня она есть в железной бочке или каменном бассейне, чем горячее, тем лучше, смыть трудовой пот, расслабиться, хорошо...

Еще вода может быть в подгорном ручье, реке или озере – это особые места, туда не каждому ходить приходится.

Но воды не должно быть так много. Так много просто не бывает. Не должно бывать. А она смотрит и смотрит на тебя, смотрит и хмурится. Ее так много, что она в состоянии смотреть и хмуриться. Она живая, что ли?

И вкусившая ранее недозволенных плотских утех и теперь мечтающая о подвигах молодежь, и умудренные опытом прежней жизни старики, все еще мечтающие о возрожденном величии гномов или хотя бы о несокрушимом шарте под их, разумеется, командованием, и даже не боящиеся смерти Невесты – все испуганно пятились от страшной зеленовато-черной воды, чьи скользкие блестящие щупальца с шипением тянулись к ним.

Невесты не боялись смерти, но это была не смерть... это была вода.

– Небывалая вода... – жалобно сказал кто-то из гномов.

Она завораживала и притягивала, пугала и отталкивала, она...

Да полно, вода ли это?!

– Она нигде не кончается... нигде... – выдохнул кто-то.

– Она сейчас схватит нас! Не подходите! Не подходите! – раздался чей-то истерический крик.

– Тут нам и конец, – спокойно и обреченно возвестил старейшина Шмуц.

– Не пойдем! – заорало сразу несколько голосов.

– То-то Якш смылся! – ядовито промолвил кто-то из старейшин, кажется, Пихельсдорф. – Продал нас переросткам, а сам сбежал, скотина!

– Она тянется к нам! Тянется! – вновь истерически завизжал кто-то, и гномы шарахнулись прочь, налетая друг на друга, сбивая с ног.

Страшно.

Тебе страшно – так же, как прочим.

Страшно.

Тебе, может, даже еще страшнее, Гуннхильд Эренхафт. Каждый из них визжит и шарахается лишь за себя. Каждый из них толкает, сбивает с ног и топчет другого лишь за себя.

А тебе нужно выдержать, не струсить и остаться стоять за всех.

За всех.

Владыка не смеет трусить. Нет у нее на это права. Да и времени тоже нет.

– Стоять! – яростно орешь ты, надсаживая связки, лишь бы услышали, лишь бы опомнились, а то ведь и моря никакого не нужно, эти трусы сами себя потопчут.

И еще раз:

– Стоять!

Кажется, услышали.

А теперь – шепотом, очень громким шепотом, так, чтоб всем слышно:

– Горло перережу тому, кто двинется... правда перережу...

А теперь еще одно, самое страшное, медленно повернуться к этому жуткому морю спиной, лицом к остальным гномам, скорчить подобие улыбки, она кривая, ну да ничего, авось сойдет, пусть лучше улыбки моей бояться, чем друг друга ногами месить, отступить на шаг... оно не схватит меня, не схватит, вода не живая, она никого не может схватить и, продолжая улыбаться, говорить... говорить... говорить... ругаться.

Когда это ты научилась так ругаться? У кого? А слова-то какие! «Недомерки сопливые», это ты про своих сородичей? А сама? Да что с тобой, владыка?

А ничего. Так им и надо.

Их ведь повезут на кораблях, Фицджеральд рассказывал, что это такое. Под ними будет надежное сухое дерево, и вода вовсе их не коснется, если, конечно, соблюдать осторожность и не лазить где попало, а вот тебе... тебе придется утворить нечто запоминающееся, чтоб их успокоить. И ты уже знаешь, что это. Знаешь и готова. Но тебе все равно страшно. Потому что в глубине души ты считаешь эту воду живым существом, которое только и ждет...

И все же... Другого выхода нет.

– Гномы! Петрийцы! – на сей раз орать не нужно, тебя каким-то образом слышат все, и шипение волн не смывает твой голос, напротив, ветер разносит его во все стороны. Всем слышно. – Я, ваша владыка, сейчас войду в эту воду, дабы доказать вам, что бояться нечего.

Гномы издают слитный нечленораздельный стон.

– Вам же и вовсе в нее входить не нужно. К завтрашнему утру люди пригонят к этому берегу корабли, что и перевезут нас всех на остров, – продолжаешь ты.

Еще один стон, не стон, скорей бурчание, в котором даже и слова отдельные разобрать можно, и ничего хорошего в этих словах нет, ни для людей с их неведомыми кораблями, ни для владыки с ее девичьей глупостью.

– Кстати, насчет девичества и глупости, – продолжаешь ты, – любой гном, последовавший за мной в воду, за свой беспримерный героизм получит от меня в награду «ночь любви»!

«Вот так, засранцы! Съели?!»

Молодежь уже подходила с подобными предложениями, смущенные молодые гномы, запинаясь и бормоча, обещали невесть что юной красавице владыке, если та вдруг да окажется к ним благосклонна, старые предрассудки их не пугали, скорей даже напротив.

Что ж, посмотрим на вас теперь. Море – это вам не дедушкины сказки, легко смеяться над поверженными стариками и их дурацкими обычаями, а вот вы над неведомым посмейтесь! Что? Как-то не выходит?

Фу, как некрасиво! Неужто никто?

Хорошо придумала, владыка, умница. Вот только ты не чужую храбрость проверяешь, не суженого себе подыскиваешь и даже не партнера на одну ночь. Тебе просто страшно лезть в эту непроглядную жуткую воду одной.

И все-таки ты полезешь, владыка.

Может быть, ты просто дура?

Боги мои, да, наверное...

– Сапогиними...

– Что?

Ты оборачиваешься.

Фицджеральд. Тэд Фицджеральд. Лучник. Комендант Петрийского острова.

Вот только до острова еще добраться нужно. По воде. Вот по этой самой.

– Сапогиними, владыка.

«И чего он прицепился?»

– Зачем?

– Затем, что ноги высохнут, а сапоги потом три дня хлюпать будут. Простудишься, заболеешь, как на своих орать станешь?

«Заботливый ты наш...»

– Штанины подверни, – скомандовал Фицджеральд, когда гномка аккуратно поставила рядом с собой свои короткие удобные сапожки.

– Страшно? – участливо буркнул он.

«О Боги! Он и в самом деле сочувствует!»

«Или издевается?»

– Нет. Не страшно, – решительно ответила владыка и отчаянно шагнула в набегающую волну.

– Ну, гномы! Никто не хочет получить то, о чем вчера так старательно просили?!

Тишина.

«Молчат».

«Не хочу идти одна. Не хочу».

«А придется... придется, владыка...»

– Ох!

Она вскрикнула, покачнулась, проклятая вода и в самом деле схватила ее, схватила и толкнула. Дружный стон с берега, вот теперь гномы и в самом деле побегут. Куда глаза глядят побегут. Да что же это такое! В этой воде нет и не может быть ничего опасного, это просто вода и все, море – это такая большая чаша, просто слишком большая чаша! Не смей меня толкать, проклятая зеленая гадина! Не смей, слышишь?!

Рядом послышался плеск, и крепкая рука Фицджеральда удержала ее от падения.

– Осторожно, владыка!

Да. Вот так, вдвоем – не страшно. Рука сильная, надежная, гадкое зеленое чудовище ее не утащит. Тэд Фицджеральд ему не позволит. Да и вообще его нет, этого чудовища. Никакого чудовища нет. Никто ее не хватал, разумеется. Просто перепугалась, дура.

«Спасибо, Тэд!» – хотелось сказать ей.

– А ты чего это... в сапогах вперся? – спросила она.

– А ты дала мне время их снять? – огрызнулся он.

– И штаны промочил...

– Ну знаешь что!

– Простудишься, заболеешь...

– Я ее спасаю, а она...

– Хлопать будешь... сначала сапогами, потом носом...

«Боги, что я несу?!»

– Нахалка!

– Ты еще «ночь любви» потребуй, герой!

– А что, и потребую! Я же вошел в воду вместе с тобой!

– Предложение касалось только гномов, хотя ты... – юная владыка запнулась, обнаружив некую брешь. Тэд Фицджеральд был полугномом, об этом знали все.

«Сейчас потребует себе половину ночи, и что я ему скажу?»

Она замолчала и подняла на него глаза, ожидая увидеть усмешку, а он вдруг круто повернулся и быстро пошел прочь. Только брызги полетели во все стороны от его мокрых сапог. А от самого, казалось, искры летят. Попавшиеся ему на дороге гномы едва успели отскочить. На его лице застыло такое мучительное выражение, что юная гномка аж содрогнулась.

«И что я ему такого сказала?»

Она медленно пошлепала к берегу. Вода уже не казалась холодной. И страшной тоже не казалась.

«И вот за это я обещала „ночь любви“? Ну, это я погорячилась!»

– Ну что, видали? Ничего со мной не случилось! – бросила она прочим гномам нахально и весело. – И с вами ничего не станется, трусишки!

Из толпы гномов робко выбралась еще одна Невеста, потом еще... Первая подошла к воде, присела, робко коснулась набегающей волны ладонью. Ее примеру последовала вторая. К воде решительно шагнули несколько молодых гномов, потом камнем из пращи вылетела стайка ребятшек, за ними с воплями поспешали их родители. Все это с визгом врезалось в воду. И ничего не случилось. Гномы постарше ошалело стояли и сидели на мелководье, а малышня, бегая вокруг них, принялась брызгаться.

– Заболеют же, черти. Надо им какую-нить одежду на смену, – пробурчал усатый воин из людей, направляясь куда-то в сторону обозов.

А владыка вдруг села на песок и в голос истерически расхохоталась.

* * *

Она же не сказала ничего такого...

Зачем так больно? До черноты больно. До хрипа и судорог. Словно в каждую частичку тела по отравленной стреле вонзилось.

Упасть бы сейчас на мокрый песок, выть, кататься – нельзя. А потом плакать... нельзя... Нельзя и все тут! Достаточно того, что несколько гномов в ужасе отскочили, когда на них эдакая перекошенная рожа надвинулась.

А теперь – все. Все, я сказал!

Есть такая штука – долг, и никакая боль не смеет...

Смеет, не смеет, пришла себе и болит, тварь такая...

И все-таки – почему? Почему так больно? Она же не сказала ничего такого...

Ну отказала в «ночи любви», так ведь и просил не всерьез, ну отказалась видеть во мне гнома, так ведь и я сам... Стоп.

Боже, да неужто?

Мне так плохо оттого, что гномка не увидела во мне гнома? Того самого гнома, моего отца, мерзкого насильника, чьи кости гниют неизвестно где? Или... просто гнома?

Так. Я и впрямь сошел с ума. Захотеть стать гномом? Господи, почему? Да что же это со мной такое? Что?!

Так что же тебя так терзает, Тэд Фицджеральд, – то, что она отказалась признать в тебе гнома... или то, как она дрогнула, вдруг сообразив, что ты почти соответствуешь высказанным притязаниям?

А может, все проще? Может, тебе просто хотелось, чтоб она согласилась? Стоп. А вот эту мысль додумывать не стоит. Просто не стоит, и все. Комендант Петрийского острова не имеет права на... Молчи, Тэд Фицджеральд, просто молчи. Ты – человек, твой названный отец – сам Джеральд, король олбарийский, он тебе такую ношу доверил, такую ответственность, ты не смеешь осложнять и без того непростую ситуацию своими необдуманными поступками. Даже необдуманными мыслями не смеешь! Молчи. Мало ли чего тебе хотелось бы! Помни свой долг, воин! Молчи.

«Гуннхильд... Унн... Уинни... Ильда...»

«Молчи... а не можешь молчать, попроси ее перерезать тебе горло...»

Фицджеральд стоял у самой воды, набегающие волны почти касались его сапог. Он стоял, как памятник воину, прямой, стройный, словно тетива своего лука, и только пришедший с заката ветер трепал его волосы. Он выглядел как и положено командиру и коменданту, глядя со стороны нипочем невозможно было угадать, какая буря бушует внутри него, какая боль адскими собаками рвет его душу.

Он так и не понял, что же с ним происходит, не разрешил себе этого понимания, меж тем как самые мудрые из Мудрых Старух гномьего племени, глядя на него, удивленно перешептывались и качали головами.

– Не стой на ветру, простудишься...

Фицджеральд вздрогнул и обернулся.

Владыка всех гномов смотрела на него заботливо, как на кого-то своего.

«Как на гнома?»

Гуннхильд... Унн... Уинни... Ильда...

Ильда.

А может, все-таки хватит? Возьми себя в руки, лучник! Король не затем тебя комендантом поставил, чтоб ты последний ум потерял и людей перед гномами опозорил.

Ты ведь еще так недавно смотрел на эту девочку свысока, считал, что это она не справится, что это ее слушаться не станут. Ты даже хотел этого, если уж совсем правду молвить. Доказать себе и всему миру, что люди куда лучше гномов, раз ты, представитель людей, лучше, чем она, представитель гномов, справляешься со своими обязанностями... глупо-то как. Глупо и стыдно. Зато правда. А ведь ее работа куда трудней твоей. Это у тебя в подчинении дисциплинированные олбарийские лучники, а у нее старейшина на старейшине сидит и старейшиной погоняет, и к каждому свой подход надобен. Да ты бы и часу на ее месте не продержался. А она, представь себе, справляется. Ее слушаются. Все, даже старейшины. Тебя, конечно, тоже слушаются, да что толку! Ты сейчас такого накомандуешь... Стыдно, Фицджеральд.

И вот только посмей ляпнуть, что тебе не холодно.

– Благодарю, владыка! Я немного... задумался. И в самом деле не стоит здесь стоять.

Владыка протянула ему руку.

«Господи, какая у нее ладошка маленькая!»

Фицджеральд осторожно сжал небольшую изящную ладошку и получил в ответ на удивление сильное и крепкое пожатие.

– Ух, какая ты сильная! – невольно вырвалось у него.

– Сильная? – в ответ удивилась она. – Да нет, не сказала бы. Я так и не научилась как следует обращаться с большим молотом.

Фицджеральд тут же припомнил рассказы о петрийском лазутчике Шарце, ударом кулака расправившемся с неким злоумышленником, а также приподнявшем и вышвырнувшим с помоста одного не в меру расходившегося рыцаря в полном вооружении. Да уж, гномы есть гномы, и забывать об этом не стоит.

– А почему ты вообще протянула мне руку? – спросил он, наконец осознав, что они вот уже некоторое время бредут куда-то по берегу, взявшись за руки самым предосудительным образом.

– Ну... ты же протянул мне руку, там, в воде... – ответила она. – Мне было очень плохо... и страшно, а ты протянул руку, и я перестала бояться. А теперь плохо и страшно стало тебе – я не знаю почему... я не спрашиваю... но разве можно бросить в беде пришедшего на помощь?

«Дьявол, мы выглядим сейчас, как парочка влюбленных, – подумал Фицджеральд. – Это... чертовски неправильно, но... отвергнуть протянутую руку помощи, протянутую гномом человеку, – это еще более неправильно. С презрением и высокомерием отвергнуть чужую благодарность... это просто подло, кроме всего прочего. Нет, но как она поняла? Как догадалась?»

– Благодарю, владыка, – молвил Фицджеральд.

Ощущать ее руку в своей руке было приятно.

Странно приятно.

«Все это дипломатия, не более того!» – яростно заявил он сам себе.

«Надо отметить, у твоей „дипломатии“ потрясающая фигура! – ехидно отозвался внутренний голос. – Ну-ну, давай дальше, чего еще интересного соврешь?»

«Молчи! Молчи, сволочь!»

И ведь ничего уже не сделаешь. Ничего. Глядя на то, как они вот эдак прогуливаются, гномы могут решить, что их владыка «легла» под человека и теперь уже никакой защитницей им не будет. Но ведь если сейчас бросить ее руку, развернуться и уйти... тогда они все едино решат, что она авторитетом у людей не пользуется, что ее ни во что не ставят, даже за руку взяться брезгуют – тот же вариант, кому нужна такая владыка? Какой из нее защитник? А кто окажется на ее месте, даже подумать страшно, тут этих цвергов недобитых, как пчел в улье, и каждый со своим планом завоевания мира. Эх, Фицджеральд, Фицджеральд, что же ты наделал? Ох и дорого тебе эта прогулочка встанет! И ладно бы тебе, а то ведь и всей Олбарии...

И она тоже хороша со своей помощью. Думать надо, владыка, прежде чем делать! А что его собственные люди подумают? Что их командир внезапно вспомнил, что он почти гном? Как они смогут ему доверять после такого? Да и станут ли? Он бы и сам себе не доверился...

– Ты так оглядываешься на моих гномов, словно боишься, что они подумают о нас нечто недолжное, Тэд, – с легкой улыбкой заметила владыка.

– Боюсь именно это они и сделают, – вздохнул Фицджеральд.

– Почему тебя это беспокоит? – с интересом спросила владыка.

«Эти гномы иногда такое ляпнут!»

Фицджеральд почувствовал, что краснеет.

Хорошо, что уже сумерки!

– Ну... они могут подумать... что ты...

Фицджеральд запнулся.

Сказать такое владетельной особе... трудно, особенно если сам ты – простой олбарийский лучник. И по другим причинам трудно, но я не стану думать о них, не стану, нет у меня такого права!

– Ты чего-то боишься... прямо, как я... там, в воде. Но здесь нет воды, – тихо сказала она.

– Есть... – выдохнул Фицджеральд. – Просто она очень хорошо маскируется!

Эта немудреная шутка придала ему мужества. Он должен сказать ей все, что пришло ему в голову. Как бы это ни было трудно. Вот просто должен и все. Им вместе работать. Удерживать хрупкое равновесие между людьми и гномами. Долг превыше всего!

– Если мы будем вот так ходить, Гуннхильд, твои гномы могут решить, что ты «легла» под человека, и не станут тебе доверять, – сплотив, выговорил он. – А если я оттолкну твою руку и уйду, решат, что люди тебя ни во что не ставят и ты для них бесполезна.

– Если ты оттолкнешь мою руку – другой я влеплю тебе по физиономии, – с очаровательной улыбкой поведала гномка. – Со средним молотом я все же неплохо управлялась, так что будет больно. А если кто-то из моих гномов посмеет заявить, что я под кого-то там легла, я предложу ему задуматься о том, что в супружеской постели женщина совершенно не обязана оказываться снизу и что это никоим образом не связано с моим положением и долгом перед моим народом.

– Так они тебе и поверят! – выдохнул комендант.

– Ну... если кто-то будет упорствовать в своей неверии... я давно грожусь перерезать кому-нибудь глотку. Раньше или позже все равно потребуеться доказать, что это не пустые слова, что я действительно могу это сделать, – ответила владыка.

– А ты можешь?

– Сомневаешься?

В ее голосе столько нежности, что полмира можно напугать до судорог. Так вот за что ее боятся самые твердолобые цверги и самые хитроумные старейшины.

– Нет, но...

– Думаю, нам каждый вечер стоит так прогуливаться, – заключила она.

– Каждый вечер? Зачем? – выдохнул он.

«О Господи, дай мне сил не позабыть о долге!»

– Чтобы говорить друг с другом. Чтобы научиться понимать друг друга, – промолвила Гуннхильд. – Гномы и люди должны научиться это делать как можно скорей. Иначе им не выжить. Ведь тебе есть о чем поговорить со мной. Я знаю, что есть. Тебя, как и меня, тревожит то, что случится завтра. Ты ведь комендант, то есть, по-нашему, нечто между старейшиной и гроссом! Мы отвечаем за все это...

– Да, но...

– Ну так поговори со мной, человек. А я поговорю с тобой. Ведь именно для того высшие силы наделили нас речью, чтоб мы могли говорить и договариваться.

– Ты права, – быстро сказал Фицджеральд. – Прости меня... за глупость. Давай говорить.

* * *

Когда возникший словно из-под земли «безбородый безумец» ухватил Якша за руку, тот не слишком удивился. После того, что с ним приключилось ночью, трудно было чему-то удивляться. Бог у людей, как известно, один, и творить чудеса ему никто не мешает. Это подгорные Боги должны друг на друга оглядываться, а человечьему Богу никто не указ, вот он, видать, и пользуется.

– Идем скорей, владыка! – вместо приветствия торопливо выпалил «безбородый безумец» и куда-то поволок своего бывшего властелина.

– Уже не владыка, – возразил Якш, поневоле переставляя ноги, покоряясь неодолимой силе, ухватившей его за руку.

– Не владыка?! – ухмыльнулся Шарц. – Что ж, отлично. Тогда побежали!

Он и в самом деле перешел на бег, и оторопевшему Якшу пришлось подчиниться. Якш представил себя со стороны, и его одолел смех. Он попытался справиться с собой, но смех яростно продирался наружу, и Якш уступил.

– Нельзя смеяться на бегу. Смешинкой подавишься! – остерег его «безбородый безумец».

– Куда... ты меня... тащишь? – сквозь смех и бег выдавил из себя Якш.

– Одной моей пациентке срочно необходимо лекарство, – поведаль Шарц.

– Ну и при чем тут я? – с подозрением выдохнул Якш.

– Ты подходишь наилучшим образом, – ответил нахальный лекарь.

– В качестве лекарства?! – поразился Якш.

– Ну да! – бесцеремонно ответил лекарь, и Якшу на миг пригрезилась жутковатая картинка, как его разливают по баночкам и скляночкам.

– Внутреннего или наружного? – ехидно спросил бывший владыка всех гномов.

– Пошлая! А еще владыка... – досадливо фыркнул Шарц. – Ей увидеть тебя нужно. Она еще совсем маленькая девочка. Ей нужно увидеть бородатого гнома с волшебной тележкой. Я тут одну тележку приглядел, так что...

– Ей нужно что?! – Пальцы Якша стальными клещами впились в плечи «безбородого безумца», остановив бег, пригвоздив бывшего разведчика к земле.

– Повтори... – хрипло прошептал Якш. – Повтори, что ты сказал...

– Что именно? – чуть испуганно спросил Шарц, весь подобрившись для боя.

«Что бы ты там себе ни придумал, ты пойдешь со мной и сделаешь все, что потребуется!»

– «Бородатого гнома, с волшебной тележкой»... я не ослышался? – почти жалобно спросил Якш. – Так она жива?

– Жива? – переспросил Шарц. – Ну, конечно, жива. И даже скоро будет здорова... хотя должна была умереть этой ночью, но... а ты откуда все это знаешь?! – вдруг дошло до него.

На глазах Якша медленно показались слезы.

Шарц стоял, со священным ужасом глядя, как по лицу его владыки медленно катятся крупные прозрачные капли, а он просто стоит, стоит, не отворачиваясь, не стыдясь, не пытаясь их стереть или хоть руками закрыть.

– Так ты и в самом деле... – попробовал Шарц, но голос подвел, пресекаясь, – так, значит, все, что она говорила про свой сон... про тебя и... – Шарц опять сбился. Трудно говорить о чудесах, особенно если сам не раз уже сталкивался с практикой чудесного – самой чудесной практикой на свете! Тут ведь такое дело – чем чаще с чудесами сталкиваешься, тем хуже в них разбираешься, чудесам ведь не нужно, чтоб всякие там в них разбирались, они просто происходят, там и тогда, когда это очень нужно, там и тогда, когда без них просто никак.

Владыка медленно покачал головой, стряхивая слезы на свою до странности разбойничью одежду, а потом, в свою очередь, схватил Шарца за руку:

– Бежим скорей! Я должен ее немедленно увидеть! – выпалил Якш.

– Быть может, ты сначала... – попробовал хоть что-то вставить «безбородый безумец».

– Потом! Потом все расскажу! – жарко выдохнул Якш, и теперь уже Шарц не мог противиться неодолимой силе, влекущей его за собой.

* * *

Когда так много воды – это смешно. Вода – смешная, по ней так весело шлепать босиком. Это не та же самая вода, какую пьют, она горькая и соленая, говорят, ее пить нельзя, живот заболит, а еще она постоянно бегаёт то туда, то сюда, наверно, никак не может решить, где ей нравится больше, здесь или там?

А когда мы захотели зайти подальше, нам сказали, что нельзя. А мы спросили: почему нельзя? А нам сказали, что там «глубина». А я спросил: что такое «глубина»? А мне сказали – я слишком маленький, чтоб знать это. А я сказал: вы сами не знаете! И – убежал, чтоб не попало. Но дальше в воду не полез. Вдруг там и правда живет какая-то «глубина», злющая-презлющая, да еще и кусачая? Нет уж, нам и у берега здорово! Никогда мы еще так не играли!

Давно нужно было подружиться с людьми и отправляться к морю. Это же такое интересное приключение! В сто раз интереснее, чем все подвиги древних цвергов, вместе взятые. И чего это взрослые столько тянули с этой идеей? И сейчас тоже – ворчат, боятся... Шли бы лучше водой побрызгались, чем ругаться, небось и настроение бы сразу поднялось!

* * *

– Ну вот! Я же говорила, что он там! Здравствуй, дяденька! Спасибо тебе, что ты меня спас, а то так умирать не хотелось...

– Но... как это может быть, дочка? – смущенно промолвил кузнец. – Ты ведь... ты все время была здесь. Даже когда себя не помнила. Все про какой-то лес говорила... как там темно и страшно...

Он осекся, потому что в глазах дочери и вправду на миг мелькнуло отражение того дикого, страшного леса, и его чистая и честная душа вострепетала от жалости и ужаса.

– Там и правда страшно, – тихо и очень по-взрослому ответила девочка. – Очень страшно, если одной и ночью. Но я же была не одна. Там был Джерри-скрипач, и тележка, и конь... только потом конь сбежал, и мы не могли дальше ехать. А нам обязательно нужно было через ночь перебраться. А Джерри-скрипач сказал тогда, что...

– Дочка, – негромко перебил девочку кузнец, – мы боялись тебе сказать, но... Джерри-скрипач умер три дня назад. Он просто не мог...

– А я знаю, – ответила девочка. – Знаю, что умер. И почему это он не мог? Очень даже мог. Мертвые могут гораздо больше, чем живые, а он и живой все мог. Потому у нас и конь убежал. Кони, они ведь боятся покойников. А тогда Джерри-скрипач привел дяденьку. Дяденька никого не боялся. Даже тех чудищ, которых сам придумал. Хотя они очень страшные были. Но он все равно не боялся. Ему очень хотелось меня спасти. Я все думала: зачем он таких страшилищ придумал, а потом поняла, вот чтоб их не бояться, для того и придумал. Он очень храбрый и добрый! Спасибо тебе, дяденька!

И тут Якш рухнул на колени, и слезы вновь побежали по его лицу. Он плакал, потому что впервые понял, как удивительно и страшно устроен мир и как мир бывает прекрасен, если как следует постараться. Он плакал, оттого что наконец почувствовал: его простили. И пусть даже эта больная девочка ничего не знала о той страшной вине, что он сам взвалил на себя, пусть

она и вовсе не знала, что он гном, пусть спасти одну невинную жизнь, предварительно загубив их гораздо, гораздо больше, явно недостаточно для прощения и оправдания, да и может ли быть здесь какое-то прощение и оправдание? Но вот здесь и сейчас, в этот единственный и неповторимый миг, на этой единственной и неповторимой олбарийской земле Якш чувствовал себя прощенным и оправданным.

Это было куда больше, чем он надеялся.

Якш плакал молча, заткнув рот обеими руками, силясь не разрыдаться в голос, страшась напугать девочку, а она, вскочив с постели и ловко проскользнув под рукой матери, уже гладила плачущего гнома по голове.

– Ну что ты, дядечка, что ты... ведь все уже хорошо... ты из-за меня плачешь? Не надо, дядечка, я ведь уже не умру, а скоро совсем здоровенькая буду. Правда-правда. Лекарь так и сказал. Можешь сам у него спросить. Ты не плачь, ладно? Вон, смотри – солнышко... травка зеленая... а ночью будут звездочки. Тебе нравятся звездочки?

– Да, – ответил Якш, – только я их никогда не видел, – смущенно добавил он.

– Какой ты чудной! – засмеялась девочка. – Хочешь, я тебе сама их покажу? Я их все-все знаю. Мне дедушка показывал. И как которая зовется, рассказал.

– Хочу, – сказал Якш. – Очень хочу звездочки посмотреть.

– Так что же это все-таки было? – тихо спросил кузнец.

– Чудо, – ответил сэр Хьюго Одделл. – Самое настоящее чудо, хвала Господу...

* * *

– Игрушки! – радостно вопил маленький гномик, мгновение назад задумчиво тарачившийся в морскую даль. – Игрушки плывут! Смотрите скорей!

– Ой, и правда игрушки! Игрушки! – тут же завопили его приятели.

– Игрушки-игрушки-игрушки!

– Чур, мои!

– Нет – мои! Я первый увидел!

– А вот и нет! А вот и нет! А вот и нет!

– Вы – болваны! «Твои», «мои»... Как их оттуда достать?! – солидно возгласил гномик чуть постарше остальных. – Не видите, что ли? Они же далеко. Или кто-то из вас научился по воде ходить?

Владыка удивленно нахмурилась и бросила взгляд в сторону моря.

По морю плыли игрушки.

Сдержать восхищенный вздох ей не удалось. Игрушки были красивые. А потом... а потом она поняла, что они еще и очень большие. Просто громадные. Это только кажется, что они маленькие, потому что они далеко, а на самом деле они ужас какие громадные. Кто может играть такими? И кто посмеет?

– Корабли, – сказал подошедший Фицджеральд. – Наконец-то.

«Так вот они какие!»

– Корабли! – тут же с восторгом завизжала малышня. – Мы будем корабелить!

– Кораблить!

– Мы будем корабельщиками! – поправил кто-то из мальчишек постарше.

– Люди говорят – моряками, а не корабельщиками! – тут же поправили его самого.

– А кто такие моряки?

– Ну... это те, которые...

– Когда скалы поплывут по воде, настанет конец мира! – притворно отчаянным тоном возвестил один из старейшин.

«Книга камней. Каноническая часть. Пророчества о конце мира!»

Сказано было вроде бы негромко, но при этом использовался хитрый ораторский прием, столь излюбленный наставниками и старейшинами, когда негромкий вроде бы голос разносится далеко и внятен всем вокруг.

«Ах ты, старый мерзавец!»

Владыка порадовалась, что Якш перед уходом не только научил ее отличать этот прием от обычной речи, но и пользоваться им.

– Ты где-нибудь видел деревянные скалы, наставник?! – ехидно поинтересовалась владыка. – Или, может быть, ты где-то видел полотняные?

– Нет, владыка, – огорченно отозвался тот.

– Тогда заткнись и прекрати разводить панику, а не то...

– Горло перережешь, я помню, владыка, – печально отозвался старейшина.

– Плохо помнишь, – буркнула Гуннхильд Эренхафт.

– Эй, малышня! Корабли вам не игрушки! – крикнула она прыгавшим от восторга гномикам и гномочкам.

– Это вам не игрушки! – восторженно пропищала какая-то малявка. – Вам не игрушки, а нам – игрушки!

– Нам – игрушки! – дружным хором поддержали ее остальные и тут же попрытались под грозным взглядом владыки, которая с большим трудом сдерживала смех, грозивший вот-вот прорваться наружу и намертво испортить ее грозную репутацию.

– Да... трудное будет дело, – задумчиво молвил Фицджеральд.

– Какое?

– А вот уговорить стариков ваших на корабли взойти...

– Трудное, – кивнула гномка. – Но мы справимся.

«Пинками загоню!»

* * *

Оказывается, у людей есть совершенно потрясающая вещь. Она называется – сено. Его из скошенной травы делают. Для этого траву сначала срезают при помощи специальных орудий, они называются «серп» и «коса». Серп маленький и кривой, ручка у него короткая, и он как-то связан с ночным человеческим светилом, которое называется «луна», вот только Якш не совсем понял, как, а коса гораздо больше, с ее помощью траву косить легче, а еще она совершенно не похожа ни на косички гномок, ни на косы человеческих женщин. Потом скошенную траву оставляют сохнуть прямо там, где скосили, и, чем дольше она сохнет, тем больше превращается в сено. Время от времени эту уже не траву, но еще не сено, переворачивают, чтоб она со всех сторон сохла, это называется «ворошить». Переворачивают ее хитрым орудием, которое называется «грабли». Грабли деревянные, немного напоминают гномский боевой блэтткамм, а еще на них ни в коем случае нельзя наступать дважды, люди почему-то теряют уважение к тому, кто поступает столь опрометчивым образом. Потом уже высохшее сено складывают особым образом, это называется «стог», и он стоит так до тех пор, пока не приходит время переправить сено в место его хранения, которое называется «сарай».

Вообще-то скошенной травой, то есть сеном, люди животных кормят, не всех подряд, конечно, а некоторых из тех, что с ними живут, – вот хотя бы коней, к примеру, и коров, и коз, и овец, и кур, нет, кур, кажется, чем-то другим кормят, но, кроме всего прочего, сено – это такая шелестящая и совершенно фантастически пахнущая подстилка, которую предлагают всем усталым путникам в качестве постели, если этим самым путникам вдруг да ночлег потребовался.

«А если б мне все это не растолковали, я счел бы сено благовонием», – подумал Якш, поудобнее устраиваясь на шелестящей ароматной горе.

Вот и сбылось. Звезды. Много. Это так прекрасно, что слов не осталось. Никаких. Зато слез достаточно. Но их все равно никто не видит. Темно. «Безбородый безумец» уже уехал. У него дела. Больной ждать не может, а болезнь не хочет, так он, кажется, пошутил. Шварцштайн Винтерхальтер. Сэр Хьюго Одделл. Шарц. Лекарь из лекарей. Он, который мог бы лечить лишь своего герцога, упрямо лечит всех подряд. Потрясающая личность. О нем стоит подумать. Но не теперь. Теперь звезды. Звезды, звезды и звезды...

Девочке давно пора спать, но вместо этого она сидит рядом, стоять ей еще трудно, и страшно довольная, тоном многомудрого наставника повелевает звездам объединяться в определенные группы, и те подчиняются. А что еще остается делать, раз наставница такая строгая? А рядом с ней сидят страшно смущенные ее родители. Быть свидетелями чудес – нелегкая работа, и видят Боги, Якш их понимает. А потом, когда все созвездия названы и устроены в небе надлежащим образом, девочку уносят спать, и Якш наконец отправляется туда, где надлежит спать ему – на золотистой горе душистых благовоний. В крыше сарая дырка, и любопытные звездочки в нее заглядывают. Чудные, разве есть что-то интереснее их самих?

Сарай – замечательное слово. И дырка в крыше – тоже великолепная идея, гномы бы ни за что не додумались. Так просто и лаконично. Так прекрасно. Лежи себе и на звезды поглядывай.

Якш совсем уж было собирался уснуть, но чудеса продолжаются. Раз обрушившись на него, они не собираются останавливаться на достигнутом.

Он слышит осторожный шорох, скрип двери. Шаги. Легкие, почти невесомые шаги. Скрип приставной лестницы.

– Почему ты встала? – спросил Якш.

– Так надо. Я знаю, – ответила девочка.

– Что я знаю, так это, что тебе надо лежать, не то опять заболеешь.

– А я сейчас пойду, только... он сказал, чтоб я обязательно это сделала...

– Не понял, – нахмурился Якш. – Кто-то велел тебе встать и прийти сюда? Кто?!

– Ты понимаешь... они ее живую к нему в могилу положили... он сказал: это плохо.

Неправильно это, чтобы живую – в могилу. Он сказал: Боженька сердиться станет. Она ведь живая! Она петь должна.

Якш вздрогнул. Девочка протягивала ему эльфью скрипку. Ту самую скрипку. Внезапное, как горный обвал, понимание обрушилось на него коротко и страшно.

– А как же он... без нее? – треснувшим голосом проговорил Якш.

– Он сказал... там, куда он отправится... там – другая музыка... она совсем на других скрипках играет. А эта – вот. Возьми.

– Мне? – ошарашенно выдохнул Якш.

– Да, – сказала девочка. – Тебе.

– Но я же не музыкант, – попробовал возразить Якш.

– Он сказал – тебе, – непререкаемым тоном объявила девочка.

– Но... что я буду с ней делать? Я же не умею играть!

– А он сказал: ты не играй, ты просто тележку тащи! Так и сказал.

Прохладная эльфья скрипка коснулась ладоней.

– Смычок еще... вот, держи!

В тот миг бывший владыка всех гномов Петрии еще не знал, что приговор его судьбы уже состоялся. Безжалостный и окончательный.

Судьба, она такая. Она уж если чего придумает...

* * *

Корабли. Такие большие. Такие чужие.

Гномы смотрят на них с опаской. Эти неведомые чудища, посланцы других миров, вот-вот изменят их жизнь. Изменят навсегда. Окончательно. Бесповоротно.

Изменят? Хорошо, если только изменят. А ну как отберут? Кто знает, что случится где-то там, в море? И доплывут ли гномы до обещанного им острова? Да и есть ли он – обещанный остров? Не пошвыряют ли люди их всех просто в воду? А что? Очень даже просто – раз и все! И никаких хлопот. Ведь на кораблях гномы будут абсолютно беззащитны!

Такие – или почти такие мысли – бродили среди гномов. Даже молодежь нет-нет да и подумывала о чем-то таком, а старики, те так просто не переставая об этом бурчали.

Ну не является безграничное доверие одной из гномских добродетелей. Скорей уж это порок, который должен быть наказан.

Корабли. Такие красивые. Восхитительно другие. Не похожие.

Многие гномы смотрят на корабли с восторгом. Люди придумали такие замечательные повозки для поездок по морю. Вот бы разобраться, как они работают, и усовершенствовать! Овладение таковым мастерством бесспорно изменит их жизнь. Навсегда. Окончательно. Бесповоротно. И хвала человечьему Богу! Пусть так и будет. А этот старческий бред про то, что их всех утопят... Зачем? Утопить такую кучу мастеров... Король Джеральд кто угодно, но не дурак! Да и гномы не так уж беззащитны! Одни Невесты справятся... Эти с чем угодно справятся.

Игрушки. Такие большие. Такие здоровские.

Ну и что, что корабли? Все равно – игрушки.

Взрослые. Такие глупые. Так достали. Болтают и болтают о каком-то дурацком утоплении. С игрушками поиграть не пускают.

А потом они нам надоели. Они нам совсем-совсем надоели, и мы побежали.

К игрушкам.

И взрослые нас не поймали.

А на игрушках сидели люди. Они показали, как на эти игрушки забраться и что делать дальше.

А взрослые припустили за нами следом, поняли наконец, как тут здоровско! Давно бы так! Вместе с нами бы поиграли. Нам ведь не жалко. Игрушки-то – большие. На всех хватит.

Корабли.

– Это ты хорошо придумала, деточка, чтоб часть первой партии вернулась назад, – сказала Мудрая Старуха владыке. – Пусть не бурчат недоумки, что там нас-де всех потопят. Пусть они вернуться с того острова, да и все нам обскажут, тогда и остальным поспокойнее плыть будет.

– Останешься тут за меня, Халльдис, – в ответ сказала владыка.

– Ты... отправляешься с первой партией?

– Ну не со второй же!

– Кто знает, может, и со второй придется... – вздохнула Мудрая Халльдис. – Может, и с третьей тоже.

– Верно, – кивнула владыка. – Впрочем, я так и так собиралась вернуться, дабы проследить за отправкой остальных, утешить тех, кто будет нуждаться в утешении, и пригрозить тем, кто соскучится по угрозам.

– Ты там повнимательней, Унн...

– Постараюсь, Мудрая...

Корабли.

Такие...

* * *

Якш не запомнил, когда ушла девочка, быть может, потому что закрыл всего лишь на мгновение глаза, а когда открыл...

Проснулся Якш оттого, что прямо у него в ухе орала какая-то птица. Сел. Потряс головой. Поковырял в ухе. Золотистые лучи солнца сочлились сквозь стены в щелях сарая. Утро. Никакой птицы в ухе, естественно, нет. Птицы в ушах не водятся. Это она снаружи, со двора орет, дура эдакая. Так орет, что и впрямь кажется, будто в ухо залезла. Якш напряг память, мысленно перелистал доклады «безбородого безумца» и вспомнил, что дурацкую оручую птицу люди зовут «петух». И она вроде бы яйца несет. Или доится? Нет, это куры яйца несут, а доятся коровы. Молоком. А петухи – орут. Утром и вечером. И когда они орут, люди узнают, что день настал или, наоборот, кончился. Часы ведь не у каждого есть. Часы – штука дорогая, гномская. А петухи за так орут.

Или никто еще просто не придумал – петушиным криком торговать? Якшу представились короба, наполненные петушиным криком, и он улыбнулся. Раньше бы ему такое и в голову не пришло. Забавно все же на него человеческий мир действует. Интересно, это только с ним так или со всеми гномами?

И тут Якш вспомнил то, что произошло ночью.

Девочка.

Скрипка.

Девочка принесла скрипку. Ту самую скрипку. Ту самую? Но... если ту самую скрипку, если ту самую скрипку вместе со скрипачом схоронили – тогда как?! Как, я вас спрашиваю?!

Да полно, не сон ли? Как она могла прийти?

Одна. Среди ночи. Больная. Откуда сил хватило? Да и скрипку... скрипку где ей взять?

Единственная пришедшая Якшу на ум картина была не просто ужасна – чудовищна. Больная, дрожащая от страха и холода девочка бредет одна ночью на кладбище соседней деревни, трясущимися от слабости руками разрывает свежую могилу и... нет, быть того не может!

«Да она бы до ушей перемазалась, а ведь была в чистой рубашке! – тут же подсказал бывшему владыке его прежний трезвый практичный ум. – И сил бы у нее не хватило! Могилу раскопать – для взрослого работа».

Так, может, все это лишь сон? Во сне чего только не привидится!

Сон?!

Якш протянул руку к брошенному на сено разбойничьему плащу. Вечера именно под ним он устроил волшебную скрипку старого барда.

Скрипку и ее смычок.

И откуда у человека эльфийский инструмент? Или он эльф был, этот старик? Но он же умер, а эльфы бессмертны, разве не так? И ушли давным-давно. Покинули этот мир, оставив людям с гномами их маленькие дурацкие проблемы.

Так сон или явь?

Якш не знал, на что он надеется больше. Или чего больше боится?

Пальцы коснулись скрипки, и Якш вздрогнул.

Да.

Сон? Не сон?!

Да.

Было? Не было?!

Да.

Какая разница, если – да?

Скрипка – та самая. Настоящая. Аж ладонь жжет, до чего настоящая. Осталось понять, что с ней делать. Легко сказать: «Ты просто тележку тащи!» – а как это выполнить?

«Да уж, загадал ты мне загадку, Джерри-скрипач!»

Якш наконец взял скрипку в обе руки, поражаясь тому, какая она легкая, и поднес к свету, обильно лившемуся из щелей.

«Так вот ты какая! Ну, что ж, будем знакомы, не возражаешь?!»

Перехватил скрипку так, как ее держал старый бард.

«Может, хоть ты мне расскажешь, как ты все-таки ко мне попала? Что там за чудеса творились под этими загадочными человечьими звездами?»

Поднес к волшебной скрипке смычок и чуть коснулся струн.

«Молчишь? Предпочитаешь оставаться таинственной? Что ж, воля твоя... ты все равно красивая».

Смычок замер на струнах. Якш созерцал его в каком-то священном ужасе, не в силах сделать последнего, рождающего звук движения.

«А как я тебе отвечу, дурень, если ты играть не умеешь? Вот научись, тогда и поговорим!»

Ему показалось или он и в самом деле это услышал?

Неважно. Во всяком случае Якш решил, что чудес с него пока хватит. В самом деле, более чем достаточно для одного бедного старого гнома.

Он осторожно отнял смычок от струн, так и не посмев, так и не решившись совершить немислимое... ему почему-то казалось, что, если звук окажется неправильным, скверным, произойдет что-то гадкое, нехорошее, он словно накличет что-то, а сотворить правильный звук он пока не способен, это же ясно!

Поэтому он осторожно завернул скрипку в плащ и по приставной лесенке аккуратно спустился с горы благовоний, на которых изволил провести ночь. Хватит дрыхнуть – пора уж и доброго утра хозяевам пожелать!

* * *

– Сопровождаемый нами объект чрезвычайной важности найден! – В голосе агента олбарийской секретной службы законная гордость мешалась с облегчением.

– Ну, слава Богу! – выдохнул его начальник. – Где?

– Совсем не там, где искали! – отвечивал агент. – В деревушке Миддлхерст.

– Ничего себе! – покачал головой начальник. – Но это ж какое расстояние! Пешком – с такой скоростью?

– Разве что через лес, – подхватил агент. – А еще говорят, гномы леса не любят!

– Через незнакомый ночной лес? С такой скоростью? А ты бы прошел?

– Так я ж не гном! – усмехнулся агент. – Где уж мне...

– Похоже, его бывшее гномское величество – мастер загадки загадывать, – покачал головой начальник.

– Еще какой! – поддакнул агент.

* * *

Когда день спустя, распрощавшись с девочкой и ее родителями, Якш тронулся в путь, он уже не выглядел сущим разбойником. Штаны, рубаху, куртку и башмаки ему подарили самые что ни на есть справные – вон, никто больше вслед не оборачивается! – а в подаренной котомке, кроме запаса еды и некоторых жизненно необходимых для путника мелочей, удобно устроились смычок и скрипка.

Теперь еще играть научиться – и можно считать, что жизнь удалась.

Новая жизнь.

Эта.

«Чтобы на скрипке играть научиться, недостаточно по дорогам ноги топтать! – думал Якш. – Надобно, значит, расспросить людей знающих, где у них здесь самолучшие музыканты обитают да кто из них учеников берет».

«А ведь за учение еще и плата потребна. Должно быть, немалая плата. Значит, еще и денег заработать следует. И мастеру в уплату, и самому на прокорм».

«И скрипку какую попроще арендовать, – мелькнуло у Якша. – Не на этой же учиться!»

К доставшейся ему скрипке Якш относился слишком почтительно, чтобы мучить ее своими неумелыми попытками произвести хоть какой-то звук.

Впрочем, у скрипки, видать, было свое мнение по этому поводу. Иначе почему она вдруг словно бы подскочила в аккуратно уложенной котомке и огрела бывшего владыку всех гномов по задку?

Дороги тут, конечно, неровные, колдобина на колдобине, но чтобы так...

И откуда тогда слова, что вроде бы сами собой взялись в голове:

«Болван! На чем играть, на том и учиться! Вот попробуй только вместо меня какую лакированную дешевку завести! Я тебе устрою, потаскун старый!»

Якш вздрогнул и прибавил ходу.

«Вот ревнивая зараза!»

«Клянусь, кроме тебя, никакой другой скрипки в руки не возьму! Тебе же хуже...»

«Это мы еще посмотрим – кому!» – ехидно ответила скрипка.

С инструментом все было ясно. Оставалось найти учителя и денег заработать. Точней, сначала заработать, а потом уж учителя искать.

Якш глубоко вздохнул и улыбнулся самой что ни на есть счастливой улыбкой. Впереди была долгая, полная самых разнообразных приключений дорога. Сколько новых ремесел он сможет освоить, сколько городов и стран обойти, сколько прекрасных человеческих девушек подарят ему свои ласки, сколько пива выпьет он в кабаках, на скольких человеческих ярмарках побывает, а какие чудные истории предстоит ему услышать самому и поведать другим, сколько интересных людей ему повстречается, а главное... самое главное... раньше или позже он научится играть на скрипке, обязательно научится.

И вот тогда он отправится навестить гномов. Потому что всем и каждому сможет честно сказать, что жизнь удалась.

Новая жизнь.

Эта.

Песня трав

– Не могу сказать, что премного о вас наслышан...

– В моем деле это было бы провалом.

– Однако, смею надеяться, кое-что я все же о вас знаю...

– Что приводит меня в восхищение мастерством вашего разума.

– Итак, Ханс...

– Хенсель, наставник...

– Хенсель? Наставник?

– Учитель обязан именовать ученика его младшим именем, чтобы тот не чувствовал себя одиноко и неприютно, – на лице наставника Ханса застыла невероятная, беззащитная улыбка, смущенная собственной беззащитностью и еще больше удивленная себе самой.

Не сдержавшись, Роберт тихо охнул от изумления.

– Роберт, мой мальчик, оставь нас, – с тихой улыбкой молвил епископ Марк.

Лорд-канцлер вышел, плотно прикрыв дверь. И стал ждать. Он не смел даже догадываться, что за беседа происходит сейчас между его учителем и наставником всех гномьих лазутчиков. То, что вдруг сказал мастер Ханс, было... поразительно.

Или нет? Что, если это очередная уловка?

А то, что сказал в ответ его учитель... «Роберт, мальчик мой...» так и звучало у него в ушах. Никогда епископ Марк не обратился бы так к нему при постороннем. Так не значит ли это...

Значит.

Именно это оно и значит, потому что ничем другим просто быть не может. Вот поэтому его и выставили. Первая беседа ученика и учителя – дело настолько личное, что никто, никто, даже другой ученик, особенно другой ученик, не смеет при этом присутствовать.

Распахнувшаяся дверь выпустила наставника Ханса.

Он вышел с таким удивительным выражением лица, что Роберт и не подумал его остановить, даже сказать ничего не сказал. А тот просто ушел куда-то, оставив Роберта в полном недоумении.

– Роберт, – позвал его учитель, и он вновь повернулся к распахнутой двери.

– Учитель...

– Ты знаешь, я тебе его не отдам...

– Но учитель...

– Грех такой талант попусту переводить, – решительно объявил епископ Марк. – И не спорь, мальчик мой, ты и без него справишься.

* * *

Пожилые гномы сидели, плотно прижавшись друг к другу, и боялись.

Там, за тонкими и ненадежными деревянными бортами – бортами, сляпанными кое-как, – да разве эти долговязые могут, как надо? Руки у них не из того места растут, вот что! – Там, за таким хрупким и почти не существующим щитом, плескалось море. Чужое, непонятное, страшное... небывалая вода.

Даже гномики и гномочки, взапуски носившиеся по палубе, слегка присмирели – и отнюдь не под грозным взглядом своей владыки – просто страшновато как-то стало. Вот отошли как следует корабли от берега – и стало. Корабль – он, конечно, большой, даже очень большой... ну так это пока он у берега, он большой. А чем дальше отплывает, тем меньше становится. Вот оно как, оказывается.

Страшновато стало гномикам и гномочкам. Правда, страшновато. Впрочем, у этих-то в глазах все едино чертики бегали. А один молодой гном вдруг подошел к Фицджеральду и, посмотрев прямо ему в глаза, храбро объявил:

– Эйвинд, сын Годрика, из клана Железных Скал. Хочу быть моряком. Ты тут гросс, вот и передай кому следует!

– Обязательно, – удивленно откликнулся Фицджеральд.

«Ну надо же!»

Пожилые гномы сидели, плотно прижавшись друг к другу, и вполголоса обсуждали невероятное событие. Нет, это надо же, гном решил моряком сделаться! Бородатые старейшины из его клана просто ошалели от эдакой выходки, они не могли решить, что им делать – гордиться или негодовать? Кое-кто втихомолку над ними посмеивался. Кто-то, напротив, осуждающе качал головой. Кто ворчал, что молодежь совсем обнаглела, ишь какие, мол, моряками они сделаться удумали. Кто, наоборот, ругал тупоумных стариков, дальше своей бороды не видящих. Малышня начинала потихоньку оживать и приставать к морякам с вопросами. Моряки, такой же бородатый народ, как и гномы, казались им почти своими, вот только занимались они чем-то чудесным и даже таинственным – как тут удержаться от расспросов?

– Дядя, а почему вы такие большие все выросли, потому что по морю плаваете? – даже спросил один из гномиков.

– Потому что рыбы едим много, – нашелся в ответ моряк. – Будешь много рыбы кушать, вырастешь точно таким же!

Юная владыка одним движением выхватила свой ритуальный нож и молча поднесла его к глазам вскинувшегося было старейшины Пихельсдорфа.

– Он же просто пошутил! – прошипела она.

«Вот только посмей что-нибудь вякнуть, старый паскудник, я тебя и правда зарежу!»

– Пошутил?! – возмущенно прохрипел старейшина.

– Конечно, – кивнула она. – А я вот – не шучу. Нисколечко не шучу.

Лезвие уперлось в горло старейшины. Надави сильнее – кровь брызнет.

– Сядь, – ласково шепнула владыка, и старейшина мешком обрушился на свое место.

Владыка медленно выдохнула. Голова слегка кружилась.

Ничего. Все хорошо. Все уже хорошо. Гномы не бросятся на моряков. Моряки не выбросят их за борт.

– Потаскуха, – одними губами прошелестел Пихельсдорф. – Человеческая...

– Ты даже представить себе не можешь, какая... – с наслаждением шепнула ему владыка. – А уж что я с тобой утворю, если ты немедля не заткнешься...

Похоже, у старейшины была неплохая фантазия. Он замер. Содрогулся. И заткнулся. Ни слова больше не сказал. Даже когда его о чем-то постороннем спросили.

Вот и хорошо. Вот и молчи. А то ведь мне придется исполнить свою угрозу. А это будет страшно. Очень страшно. Хотя бы потому, что я и сама не знаю, чего пообещала.

А остров уже виднелся, и Гуннхильд вздохнула с облегчением. Ничего страшного так и не случилось. Еще немного, и гномы сойдут с корабля на берег своей новой родины.

Она не знала, что так же, одновременно с ней, вздохнул и Тэд Фицджеральд, причем по той же самой причине. Ничего страшного все-таки не случилось.

А остров все рос и рос из воды, и даже самые закоренелые цверги уже не могли его не замечать.

«Вот он, ваш остров, засранцы твердолобые! Кто там бормотал, что вас всех попросту утопят?! Кто шипел, что король Джеральд предатель и клятвопреступник?! Ну?! Хоть одна бородатая сволочь покраснеет?! Как же... дожидайся!»

Фицджеральд отвернулся.

Говорят, что старейшина Пихельсдорф с того дня так никогда и не отведал рыбы. До самой смерти ни кусочка в рот не взял. На всякий случай. Очень боялся человеком сделаться. Зря боялся. Ну какой из него человек? Из него и гнома-то не вышло. Так, какое-то бородатое недоразумение. Это вам не Шарц, который и человеком стал, и гномом остался.

* * *

Лучшие музыканты жили в городе Реймене. А сам этот город находился в Троанне и был столицей всего, что имело отношение к музыке. Это оказалось настолько общеизвестным фактом, что Якш даже удивился. По словам его многочисленных собеседников, выходило, что любой, чувствующий в себе музыкальное призвание, должен беспрерывно отправиться в город Реймен, «а уж там-то тебя всему научат, можешь не сомневаться, приятель!»

Порасспросив о дороге, Якш решил немедля отправиться в Реймен, а денег на обучение у кого-нибудь из тамошних мастеров заработать по дороге. Не такое это уж трудное дело здесь, наверху, где мастеров по гномским меркам немного, а мастерство в почете, а значит, и в цене.

Возможность подзаработать не замедлила. Ближе к вечеру, когда Якш пересчитал все заколдобины и выбрался наконец на большую дорогу, впереди обнаружился осевший на бок фургон и суетящийся вблизи одного толстенький невысокий крепыш.

«Почти гном, – про себя усмехнулся Якш. – Только основательно разъевшийся. Старейшина, одним словом, даром что безбородый...»

– Что случилось, почтенный?! – громко спросил он, подходя к пытящему от усилий человеку.

– Сам почтенный! – огрызнулся тот. – Болтают тут всякие! Не видишь – колесо отвалилось, чека потерялась, да еще и ось треснула! Что теперь делать прикажешь?!

– Прикажу быть чуточку повежливее! – развеселился Якш. – Я твой фургон не ломал.

– Еще не хватало! – возмутился толстяк. – Не ломал он, видите ли! Ходят тут всякие! Да я с этого болвана, что фургон мне продал, три шкуры спушу! Дай только до города добраться! Совсем новый фургон, говорит! Нет, ты это видел?! Совсем новый, только крыша в одном месте протерлась! Ах ты, крыша!

– А почему фургон покупал, уважаемый? – полюбопытствовал Якш.

– Сам уважаемый! – вновь огрызнулся тот. – А еще этого болвана Вилли пришлось выгнать за пьянство! Кто ж мог знать, что он мне пригодится?

– Пьянство – это очень плохо, – с умным видом покивал Якш.

– Сам знаю, что плохо, дубина! – фыркнул толстяк. – Ну, чего стоишь, болван? Живо принимайся за работу!

– Что? – Якш наконец услышал то, на что надеялся, но виду не подал.

– Чини давай! – потребовал толстяк. – Чего стоишь, рот разинув?

– Я?! – весело удивился Якш.

– А ты здесь кого-то другого видишь, к кому я мог бы обращаться? – возмущенно выпалил толстяк.

– Ну, например, к себе, – подсказал Якш. – Некоторым, говорят, очень нравится с собой разговаривать...

– К себе?! Издеваешься?! – взвился толстяк. – Нет уж, хватит с меня! Я себе уже все руки сбил! Теперь твоя очередь!

– Ты, наверно, что-то не то этими своими руками делал, – предположил Якш. – Или они у тебя какие-то не такие...

– Поговори мне! – рассердился толстяк. – Руки мои ему, видите ли, не нравятся! Принимайся-ка лучше за работу, да поживей!

– А что мне за это будет? – полюбопытствовал Якш.

– А вот что заработаешь – то и будет! – отрезал толстяк. – Знаю я вас! Вам только плати, а как работать – так шиш.

– Э-э-э... нет! Так не пойдет! – усмехнулся Якш. – Я тебе не Вилли, чтоб бесплатно на тебя отработать, а потом за пьянство вылететь. Сколько дашь за то, что я тебе этот фургон обратно на все четыре колеса поставлю?

– И колесо, и чеку, и ось наладишь? – деловым тоном осведомился толстяк.

– Конечно, – подтвердил Якш.

– А за какое время?

– За малое, – посулил Якш, уже разглядевший поломку и прикинувший, за какое время он с ней разберется.

Пустяк поломка! В самом деле – пустяк! Видать, этот болван или лентяй каких мало, или совсем безрукий!

– За малое время и плата малая! – отрезал толстяк.

«Ах ты, жадина!»

– Вот как? – ехидно обрадовался Якш. – Что ж, могу дня три провозиться...

– Кровопийца! – возопил толстяк. – Этак весь мой товар протухнет!

– Так ты у нас торговец? – спросил Якш.

– Не твое дело. Проваливай! Ты уволен! – величаво объявил толстяк.

«Уволил один такой!»

– Так ведь я у тебя еще и не работаю, – усмехнулся Якш.

– Убирайся! Я другого найду!

– На этой пустынной дороге? – спросил Якш. – Ну-ну... попробуй...

Он сделал вид, что собирается уйти.

– Стой! – вскричал толстяк. – Мерзавец! Кровопийца! Не уходи!

– Так «мерзавец», «кровопийца» или – «не уходи»?! – от души рассмеялся Якш.

– Не уходи, – повторил толстяк. – Я того... погорячился. Прости.

– Тогда продолжим разговор, – как ни в чем не бывало промолвил Якш. – Итак, ты – торговец?

– Торговец, торговец...

– А чего такой жадина?

– Я – жадина?! – возмутился торговец. – Да ты...

– Мерзавец? – подсказал Якш.

– Нет, черт тебя заешь, – рявкнул торговец. – Порядочный человек!

– Вот как? – ухмыльнулся Якш. – Отчего ты в этом так уверен?

– Только порядочный человек может быть таким... мерзавцем, – выдохнул торговец. – Ну пожалуйста, не уходи, ты мне и в самом деле нужен, как же я без тебя...

– Не заплатишь по совести – сам чини свой фургон! – оборвал его Якш. – Глядишь, к концу мира и починишь.

– Нет! Нет! Стой! Я заплачу! Заплачу я... – торговец уже задыхался. – Сколько скажешь, столько и...

– А что у тебя за товар, кстати? – любопытствовал Якш.

– А вот это не твое дело, бродяга! – мигом взорвался торговец. – Твое дело – фургон!

– Бродяга? – ухмыльнулся Якш. – Да ведь я у тебя уже, можно сказать, работаю! Какой же я бродяга? Я – мастер для починки твоего фургона, здесь и сейчас – единственный и неповторимый мастер!

– Так ты берешься? – обрадовался торговец.

– Берусь, конечно, отчего бы нет? – откликнулся Якш.

– Вот и чини, да помалкивай! – выпалил торговец.

– Экий ты сегодня сердитый, – покачал головой Якш.

– С вами и не захочешь – рассердишься... – проворчал торговец. – Разбойник на разбойнике сидит и разбойником погоняет! Только плати, знай! Двадцать пенни тебе заплачу. Медью, естественно. Доволен?

– Я здесь чужой, – отозвался Якш. – Что чего стоит, не ведаю. Удачей своей поклянись, торговец, что не обманешь меня!

– Удачей... – протянул торговец. – А ты чудной. Удачей, говоришь?

– И не гневи ее, удачу-то, – наставительно заметил Якш. – Она на тебя и без того косо смотрит.

– Так уж и косо! – фыркнул торговец.

– Недаром же у тебя фургоны ломаются, – усмехнулся Якш.

– Поговори мне! – буркнул торговец.

– С удовольствием! – чуть поклонился Якш. – Вот за работой и поговорю. Но ты сперва поклянись, а то я и пальцем не шевельну.

– Вот урод, – сам себе под нос с досадой пробурчал торговец. – Ладно. Удачей своей клянусь, – громко и важно начал он. – Что не обману... как там тебя?

– Трамп, сын Уинда, – сказал Якш.

– ... что не обману Трампа, сына Уинда, а расплачусь с ним честь по чести, как и должно поступать в подобных случаях. Доволен?

– Да.

– Тогда чини.

– Уже начал, – ответил бывший владыка, приступая к работе.

Когда повозка вновь уверенно встала на все свои четыре колеса, торговец отсчитал положенные Якшу монеты. Якш пересчитал сам и убедился, что одной недостает.

– Эй, – возмутился он. – Кто-то поклялся, что честь по чести заплатит, а одной монеты недостает!

– Так и должно быть, – кивнул торговец. – Девятнадцать. Одну монету я вычел.

– Вычел? С какой стати? – еще пуще возмутился Якш.

– А за кошель, – усмехнулся торговец.

– За какой такой кошель? У меня нет никакого кошеля!

– Вот именно, – промолвил торговец. – И куда ты все свои деньги класть станешь?

Якш хлопнул себя по лбу. Он совершенно об этом не подумал. Ну вот нет у бывшего владыки привычки таскать с собой деньги. Все еще нет. Заработать их, выходит, проще, чем научиться с ними правильно обращаться.

– Держи, балда, – почти ласково сказал торговец, протягивая Якшу пустой потрепанный кошель. – Вот за него я с тебя монету и удержал.

Так началась дорога в город Реймен.

Что ж, стоит немного повозиться с разными прочими ремеслами да брани хозяйской послушать, чтоб потом взаправдашним рейменским музыкантом сделаться. Ей-богу – стоит!

Так-то вот, господа, недаром в гербе этого славного города не какие-нибудь мечи с алембардами или наковальня с молотом, а самые что ни на есть настоящие скрипка с лютней переkreщены!

* * *

– Да, – говорил Тэд Фицджеральд. – Именно здесь вы и будете жить. Да, в этих деревянных палатках. Вообще-то у людей они домами называются. Нет, каменных не построили. Просто не успели. Как – почему? Гномов среди нас не было, потому и не успели. Нет, не издеваюсь, правду говорю. Да. Виноваты. Сам знаю, что виноваты, но вы уж нас простите. Да, мне известно, что дерево горит. Нет, это не попытка уничтожить гномов при помощи пожара, это

просто дома. А вы с огнем поосторожнее. Да, в них можно жить, честное слово, можно. Я сам всю жизнь в таких прожил. Ну, почти всю. Нет, это не издевательство. Честное слово, не издевательство. И Якш тут ни при чем. И владыка ваша не виновата. Просто – так вышло. Да, и мы тоже будем жить в таких же домах, рядом с вами. И поможем все наладить как следует. Обязательно. Нет, никаких других жилищ на острове нет, если не считать двух человеческих поселений. В одном поселились рыбаки, те, кто будет снабжать вас рыбой. В другом – те, кто будет учить вас огородничеству и другим человеческим ремеслам. Нет, у них дома не лучше, можете сходить поглядеть. Все самое лучшее отвели вам. Какое же это лучшее? А уж какое есть. Обживетесь – стройте себе любые хоромы, какие только хотите. Любые, по вашему вкусу. Хоть каменные, хоть железные, хоть из камней самоцветных. Да, и под землей можно. Правда можно. А пока уж не взъщтите... что есть – то есть...

Фицджеральд облегченно вздохнул и чуть не подавился кислым гномьим «спасибо», брошенным кем-то из старейшин, словно ком грязи в лицо.

Нет, это надо же! В одно-единственное слово суметь вложить столько всего мерзопакостного!

Впрочем, Фицджеральд все-таки не подавился. Быть может, потому что подавился сам старейшина. Вынырнувшая откуда-то сбоку владыка с маху врезала старейшине кулаком по губам.

– Ук! – булькнул старейшина, зажимая разбитые в кровь губы.

– Утрись, – буркнула Гуннхильд, протягивая ему платок.

– Человеческая... – сквозь платок прошипел старейшина и мигом заткнулся, поймав многообещающий взгляд владыки.

– Без зубов останешься – чем морковку грызть будешь? – с мрачноватым весельем поинтересовалась та.

– Гномы... – устало вздохнул Фицджеральд.

– Гномы? – переспросила владыка. – А ты не туда смотришь. Разве это гномы? Это засранцы. Ты – туда посмотри! – широким жестом она указала на приготовленные для гномов дома. – Гномы – там!

Фицджеральд поднял взгляд от кучки обступивших его стариков – и почему это ему показалось, что их так страшно много, галдели они с такой силой, что ли? – и увидел молодежь, с любопытством осматривающую новые дома.

– Вот – гномы, – повторила владыка, и Фицджеральд согласно кивнул.

Недовольные всем на свете старейшины, понурившись, потянулись в сторону чуждых человеческих построек.

«Неужто и в самом деле придется здесь жить?» – казалось, говорили их укоризненные спины.

«Придется, засранцы, еще как придется!»

Впрочем, глаза некоторых из них уже загорались любопытством, а один задорный старикан поспел даже раньше молодежи и теперь, посвистывая, сидел на скошенной крыше, горделиво поглядывая на остальных.

«Старейшины, они тоже разные бывают».

* * *

– Пап, ну зачем нам огород? Разве это гномское дело?

– Болван! Хочешь рыться в этой куче мусора, что осталась от человеческого рудника? Много нароешь...

– Не хочу. Пусть старики роются!

– Прекрасно! Рудник тебе не по нраву, огород не устраивает, чего ж тебе тогда надо?!

- Хочу учить руны.
- Спихватился! Руны ему учить хочется! А раньше ты где был? Раньше ты чем думал? Где было твое хотение, пока мы жили внизу? Нет, видите ли, тогда тебе не хотелось! Тебе, видите ли, хочется сейчас! Что ж ты сел за стол, когда похлебку уже унесли? Ты лучше человечьи буквы выучи!
- Чтобы стать похожим на Керца?
- При чем здесь этот засранец?
- При том, что он уже выучил.
- Он? Он уже выучил?
- Ну да, пап...
- Не может быть! Чтобы этот дурень...
- А вот и может! Хочешь, так сам у него спроси!
- Хм... Значит, не такой уж он и засранец. И не дурень. А огород он собирается разводить?
- Нет. Он рыбаком хочет.
- Смотри, какой молодец! Ты дружи с ним. Обязательно дружи, не то выдеру!
- А раньше ты меня совсем за другое выдрать грозился!
- Скажешь тоже... то раньше было, а то – сейчас. Ладно. Хватит болтать. Бери лопату и пошли. Буквы буквами, а огород огородом, одно другому не помеха.
- Вот и пойми этих взрослых!
- Да ведь ты уже понял, сынок... нужно жить дальше, разве это так трудно понять?

* * *

Добраться в Реймен не так просто, как кажется. То есть просто, конечно, но... для этого необходимо пройти не только посуху. А когда воды слишком много, как-то сразу забываешь, что ты цверг из рода цвергов и не должен бояться такой ерунды, как вода в чересчур больших количествах. В конце концов это всего-навсего вода...

Легко сказать – всего-навсего! А вы сами попробуйте. Вот влезьте в мою шкуру и попробуйте!

Ну как, понравилось? Вот то-то и оно...

Для людей морской путь – дело привычное, для гнома же...

«Да тут рядом, веслом подать...»

Поддать бы этим самым веслом по вашим задницам, шутники долгоногие! Рядом тут, видите ли...

Рядом – это у них значит черт знает где, так что отсюда ни черта, кроме воды, не видать!

Якш мрачно смотрел, как мерно колышется тусклая сталь воды.

«Ив каком сумасшедшем горне достало жара, чтоб расплавить все это?» – Вытряхнув сию мысль из головы как явно бредовую, Якш нахмурился.

Троанн – там. Там, на той стороне этой воды. Троанн... Реймен... музыка...

Пешком по воде гномы не ходят. Люди, впрочем, тоже. У людей есть лодки, корабли и паромы. У них и вообще до черта всего есть. Якш и раньше знал все это, но одно дело – знать, а другое – самому взгромоздиться на какой-нибудь безумный кусок дерева и поплыть.

А все же придется. Потому что должны быть вещи, которые сильнее страха. Даже если это страх перед чем-то неведомым, небывалым. Даже если это очень ужасный страх.

И такая вещь у Якша есть.

Скрипка. Скрипка старого барда. Он обязательно должен научиться на ней играть. Обязательно. А лучшие музыканты живут в городе Реймене. А Реймен – там. По ту сторону этой воды.

К чертям страхи! Где тут самый быстроходный корабль?

* * *

Земля должна лежать плоско. Земля должна лежать под ногами. А вместо этого она качается. Это неправильно. Земля не должна качаться. Это вам любой дурак скажет. Это каждому известно.

Ах, каждому? Ну а что тогда сейчас происходит? Что, я вас спрашиваю?

Берег качался, как пьяный. Да нет, куда там пьяному! Он качался, как что-то совершенно невыносимое. А вместе с берегом качался бывший владыка всех гномов, ныне вольный странник Якш. И было ему от этого нехорошо.

Решившись плыть, Якш готовился к тому, что ему будет очень страшно. К чему он не был готов, так это к тому, что ему станет так плохо.

И кто бы мог подумать, что может быть так тяжело от обыкновенного раскачивания?! А ведь стало. Так стало, что... а ну его вовсе! Ох-х-х...

Так что Якш ничего не боялся, пока плыл, ему не до того было. Злые морские Боги старательно вытрясали из него душу, настырно требуя жертвы, но Якш твердо решил не делиться с ними своим завтраком. Хорошо воспитанным гномам не подобает делить свою трапезу с незнакомыми.

А вот не буду, и все. Умру, но не буду.

Проклятый корабль раскачивался и раскачивался, и Якшу начинало казаться, что они вот уже целую вечность стоят и стоят на одном месте, плыть некуда, и впереди и позади одно и то же кошмарно колышущееся, расплавленное нечто, слишком напоминающее металл, чтобы быть чем-то еще, особенно водой – водой, которую пьют, которая должна быть в чаше, в кувшине, в кружке, наконец, а не мучить ни в чем не повинных гномов!

И тут его внезапно сморил короткий, как молния, сон. И то, что ему в этом сне привиделось, помогло пережить это кошмарное путешествие. Ему привиделось, что он со скрипкой в руках стоит на носу какого-то корабля, да-да, именно что корабля, только тот куда больше и красивей этого, а корабль несется куда-то сквозь грозно ревущую, идущую на приступ воду, несется сквозь вой ветра, а Якш, стоя на самом носу и совершенно не страдая от этого невыносимого раскачивания, играет... играет... играет!

И у него выходит совсем не хуже, чем у того, кто подарил ему эту чудесную скрипку!

Как же это было красиво!

Когда Якш проснулся, стало чуточку полегче. Все равно тяжело, но... видение грело душу, помогало справляться с омерзительными приступами тошноты и слабости.

И вот, наконец, берег. Хвала всем Богам за эту милость!

Якш уже не мог думать про Троанн, про Реймен, он ни про что уже думать не мог, он изо всех сил держался мыслями за свое видение, это было все, на что его хватало. Хорошо, что он расплатился с капитаном корабля заранее, хорошо, что ничего больше не надо делать, просто сползти с этого человеческого изобретения для особо изощренных пыток и упасть где-нибудь, где никто не наступит, впрочем, это не так важно, пусть себе наступает. Измученное морскими стихиями тело все равно ничего не почувствует.

Якшу было почти все равно.

Однако проклятый троаннский берег отказался выполнять заявленные ранее союзные соглашения и поддерживать измученное тело бывшего владыки в стабильности и покое. Он предательски раскачивался, явно переметнувшись на сторону моря. Якш не ожидал столь подлого удара в спину и чуть не умер от гора.

«Да когда ж это качание-то кончится?! Или это я заболел? Умираю? Вот же не вовремя! Мне ж на скрипке играть научиться надо!»

* * *

Полная рыбы лодка ткнулась в песчаный берег, и дюжие здоровяки-гномы мигом спрыгнули в воду, издав слитный стон. Холодная вода гномам куда как меньше людей нравится. Многие и вовсе ее не выносят, даже болеть начинают. Впрочем, те, что не болеют, все равно страдают. И все же прыгают, не задумываясь. Так надо. И этого для них достаточно.

– А ну давай! – гаркнул самый горластый из них.

Еще миг, и лодка оказалась на берегу. Старый рыбак только головой покачал.

«Ишь, черти, здоровые!» – с уважительной завистью подумал он о своих подмастерьях, передавая одному из них рулевое весло.

А гномы уже тащили большие корзины, ими же самими и сплетенные, с завидным, надо сказать, старанием сплетенные, тащили, аккуратно расставляли, укладывали в них рыбу... аи да гномы, нет, ну что за молодцы! А вежливые какие! Его, что ни слово, то учителем, то наставником чествят! А то и вовсе гроссом. Гросс – это по-ихнему, по-гномьему, кто-то очень важный, навроде вельможи, что ль, или там генерала. И это – его, обыкновенного рыбака!

А сами гномы... ну что за молодцы! Смотришь – душа не нарадуется. Ловкие, работающие, веселые! Особенно один из них – Керцем его кличут, и он у них заводила во всем. Что работать, что гулять, что девкам под юбки лазить, одним словом, справный парень.

А ведь сперва бедолага как страдал. Укачивало его вусмерть. Остальные, с кем такая же беда приключилась, почти что все отступились, кто в огородники подался, кто в садоводы, кто и вовсе по своим, по гномским ремеслам пошел, а один даже и вовсе пчел разводить учится, а Керц зубы сжал и говорит:

– Умру, но не отступлю!

Это он такую клятву гномскую дает, значит. И ведь что характерно, не умер и не отступил. Это море отступилось, смирилось с ним, пришлось «большой соленой бездне» – это у гномов море так называется – признать, что есть на свете такие упрямые ребята, которые все равно своего добьются.

Давно уж парня не тошнит вовсе. И голова кругом не идет. Привык.

Итак.

Вся рыба уложена. Корзинки готовы к переноске. Гномы молча смотрят на своего наставника, ожидая от него несколько привычных слов. Он всегда произносит их. Одни и те же. И гномы всегда терпеливо ждут этого. Каждый раз внимая этим словам, как некоему откровению.

– Дай человеку рыбу, и ты дашь ему пропитание на день, – промолвил наставник гномских рыбаков. – Научи человека ловить рыбу, и ты дашь ему пропитание на всю жизнь.

Старый рыбак говорит это с любовью и удовольствием. Те же самые слова он впервые услышал от другого старика, того, кто научил ловить рыбу его самого. Прекрасные слова.

– А между прочим, гномы – не люди, – шипит откуда-то выскользнувший гномий старейшина.

Вот уж кого точно черт принес не вовремя!

– Пожалуй, что стоит кой на кого нашему коменданту пожаловаться, нет? – продолжает злобствовать тот. – Кой-кто тут гномов с людьми путает вопреки воле Его Олбарийского Величества. Тоже мне – наставник выискался! Бродяга несчастный!

– Гномы – тоже люди, старейшина Штильсен, – веско молвит мигом возникший перед старейшиной, закрывший собственной грудью горячо обожаемого учителя Керц. – А учитель Шон не бродяга, как вам, должно быть, сгоряча померещилось, а уважаемый наставник. Вы бы пошли, что ли, куда-нибудь да прилегли там где-нибудь, старейшина Штильсен. В вашем возрасте вредно так много волноваться и двигаться. А то ведь так можно ненароком и в воду упасть. Тут такой скользкий берег, а мы все так заботимся о вашем драгоценном здоровье.

– Мальчишка! Сопляк! – прошипел старейшина.

– Я, к вашему сведению, давно уже взрослый полноправный рыбак, – с усмешкой ответил Керц. – Ученик известнейшего мастера, имею свою долю в этом потрясающем ремесле, свой дом, который сам же и построил, а не занял уже построенный, как многие прочие, и красавица Герд взяла не только мое тело, у нас будет семья, дети, много детей, и моя жена останется жить! А чем можете похвастаться вы, старейшина? Тем, что ходите и злобствуете? Прекращайте. Ваши проклятия не имеют силы, ваша злоба бесцельна. Смиритесь, старейшина, вы еще можете успеть...

– Успеть что?! – яростно перебил его старейшина Штильсен.

– Просто быть счастливым, – и Керц улыбнулся самой что ни на есть дружелюбной улыбкой.

Старейшина резко развернулся и пошел прочь. Кажется, именно последняя фраза Керца его окончательно доконала. Он шагал тяжело, старому рыбаку он напомнил пробитую лодку, до краев наполнившуюся водой. Вот только заделать пробоину и вычерпать воду этот упрямец не позволял никому.

Старый рыбак только головой покачал, думая, что ему у своих учеников еще учиться и учиться. Ведь вот сколько же крови этот самый старейшина им всем портит, а тот же самый Керц его и понять и пожалеть способен, и помочь этому старому злыдню пытается. Нет, он бы так не смог. Точно – не смог.

Или все же?

* * *

Поскольку Якш выбирал самый быстрый корабль, а не самый комфортабельный, морское путешествие не слишком облегчило его кошель. Понасмотревшись на страдания бедняги, сердобольный капитан даже сделал ему небольшую скидку, Якш взял ее, не глядя и не задумываясь, не до того ему было. Так что, оклемавшись и наконец почувствовав хоть что-то кроме мучений, а именно зверский голод, он решительно выбрал из двух трактиров тот, что подороже. На смиренный вопрос трактирщика, чего, дескать, угодно господину путнику, Якш свирепо рявкнул:

– Господину путнику угодно жрать!

Трактирщик вздрогнул и даже слегка подскочил от испуга, но тут же, справившись с собой, расцвел в неподражаемой улыбке:

– Это значит двойной сырный суп, тройное жаркое, мясной пудинг и порция жареных угрей, а также кувшин вина, верно?

– Тащи, – выдохнул Якш, и трактирщика как ветром сдуло.

Отдав должное всем по очереди яствам, а проще говоря, как следует обожравшись, Якш смог наконец с облегчением вздохнуть и прислушаться к тому, что происходит вокруг. Происходящее его порадовало. Во-первых, нигде ничего не раскачивалось, и одного этого уже было достаточно для счастья. Во-вторых, готовилось нечто веселое и зрелищное.

Троаннский Якш понимал несколько хуже олбарийского, впрочем, ненамного, в конце концов, на этом языке столько красивых песен... Именно о песнях и говорили сидящие вокруг люди. Точней, о том, кто сейчас будет их петь.

– Сам Мишель Брессон из Реймена... – донеслось до него.

«Отлично! – подумал Якш. – Вот и послушаем, чего они стоят, эти хваленые рейменцы!»

То, что подобная знаменитость почтила своим присутствием обычный захолустный трактир, было неслыханной удачей, говорили все. Трактир набился – не протолкнуться. Некоторые ретивые мамыши принесли даже малышей, это ничего, что маленькие, пусть слушают, будет потом, что вспомнить и чем похвастаться.

О прибытии барда возвестила тишина, обрушившаяся столь внезапно, что Якшу показалось, что он уже умер. Потому что в реальном мире так тихо быть не может. Оказалось, может. А потом общий вздох пронесся по толпе, и народ расступился, пропуская к трактирной стойке щупленького невзрачного человечка с потертым кожаным футляром в руках.

Якш даже огорчился. Меньше всего это тощее низенькое недоразумение походило на великого барда. А больше всего – на сморщенный стручок какого-то съедобного растения, тысячу лет пролежавший в какой-нибудь тайной гномской кладовке, потерявший вкус, цвет, запах, позабывший даже собственное имя.

«Может, ошибка какая вышла? – мелькнуло у Якша. – Может, это и не он вовсе?»

Впрочем, толпа взирала на музыканта с прежним восторженным вниманием.

Тем временем музыкант открыл футляр и достал лютню. Достал уверенно и спокойно. Без показной небрежности, без лихости. Достал, как после долгого сна потянулся. Как улыбнулся любимой. Как подмигнул приятелю. Якш невольно подмигнул в ответ и только потом сообразил – не он один это проделал! А уж как улыбались все женщины в трактирной зале! С лютней в руках человечек преобразился. Он не стал краше, но обрел законченность, вот словно бы все это время ему чего-то не хватало, ну а теперь наконец-то все как надо!

Якш, в совершенстве освоивший искусство повелевать при помощи голоса, был потрясен – этому стручку сушеному и голоса не надо, ему подмигнуть достаточно, и за ним пойдут, побегут куда угодно... постойте, как же это? Да ведь он-то и не подмигивал вовсе! Это все остальные... как по команде. Подмигивают, улыбаются. А он всего-то и сделал, что лютню достал из футляра!

Вот тебе и вот. Стручок сушеный, да?

Мастер. Настоящий мастер. Гросс.

А потом человечек взял аккорд и как бы встал из себя. Встал и шагнул к слушателям. И вырос. И стал великаном. Достаточно огромным, чтоб посмотреть в глаза вселенной. Достаточно храбрым, чтоб не испугаться. Его сморщенное лицо преобразилось, став юным и прекрасным, а глаза вспыхнули, как звезды.

Дыхание струн наполнило зал. Это был дождь, дождь теплый и благодарный за что-то хорошее. И нежным рокотом басов вторил отдаленный гром, бежали, стремились куда-то веселые ручейки воды, это была совсем не та вода, что так измучила Якша. Это была та вода, что в кружке, в чаше, в кувшине и в дожде.

А потом бард запел, и Якш понял, что все хорошее в этой жизни только еще начинается, что по-другому просто не может быть, раз поются на этом свете такие песни.

Якш знал, что он не запомнит ни слова.

Якш знал, что он никогда их не забудет.

Бывает и так, оказывается...

Он смеялся, когда пелось о смешном, плакал, когда пелось о печальном, да разве он один? И если встретили барда почтительным молчанием, то окончание каждой песни отмечалось такими бурями восторга, что Якш мимоходом удивился, как это у трактира крышу не сносит, неужто ее гномы ладили? Да нет, вряд ли, крыша-то вполне деревянная, а по дереву гномы, по правде сказать, мастера невеликие, почти что и вовсе никакие. Так что крыша, не иначе, что чудом, держалась. Или старый лютнист и об этом как-то позаботился? Якш бы не удивился.

Когда все закончилось и маэстро решительно упрятал свой инструмент в футляр, пришло время для вознаграждения. Люди, не толкаясь, соблюдая во всем чинность и порядок, подходили к барду и с изъявлениями благодарности протягивали ему кто сколько мог.

Якш вытер слезы и решительно выгреб полкошеля. Дождавшись своей очереди, он с поклоном протянул деньги:

– Маэстро...

– А с учеников я денег не беру! – лукавая улыбка в голосе старого мастера.

– Но я же еще не... – Якш до того ошалел, что даже не сразу сообразил, этому человеку попросту неоткуда знать о его мечте, о скрипке в его дорожной котомке и всем прочем, что с ним происходило.

А когда сообразил, вздрогнул и посмотрел барду в глаза. А когда посмотрел – вздрогнул еще раз, потому что понял – тот знает все. А бард усмехнулся и подмигнул.

– Это тебе только кажется, что ты еще не... а на деле... жаль, ты не мой ученик, но... ищи своего мастера. Ты ведь в Реймен идешь?

– В Реймен, – окончательно потрясенный, выдохнул Якш.

– Вот и правильно, – одобрил бард. – И убери деньги, я еще заработаю, а тебе пригодятся. Молодой еще. – Счастливо тебе! – Бард хлопнул его ладонью по плечу и отвернулся.

Якш отошел в сторону и ошарашенно потряс головой.

«Молодой? Это я-то? Шутки шутить изволите, уважаемый маэстро!»

А потом он вдруг понял. Бард его и вовсе не разглядел. Не увидел. Его – не увидел. Не увидел бывшего владыку всех петрийских гномов, цверга из рода цвергов, прожженного интригана, циника и политика, ставшего бродягой по собственной воле утомленного властью старика. Он увидел в нем другое. Главное. То, что почел главным. Ученика увидел. Того, у кого все еще впереди. Вот и решил, что тот молод, а как иначе?

«Ну уж если он сказал, иди в Реймен, ищи мастера... значит, у меня и в самом деле получится! – возликовал Якш. – Получится! Не может не получиться!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.